

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

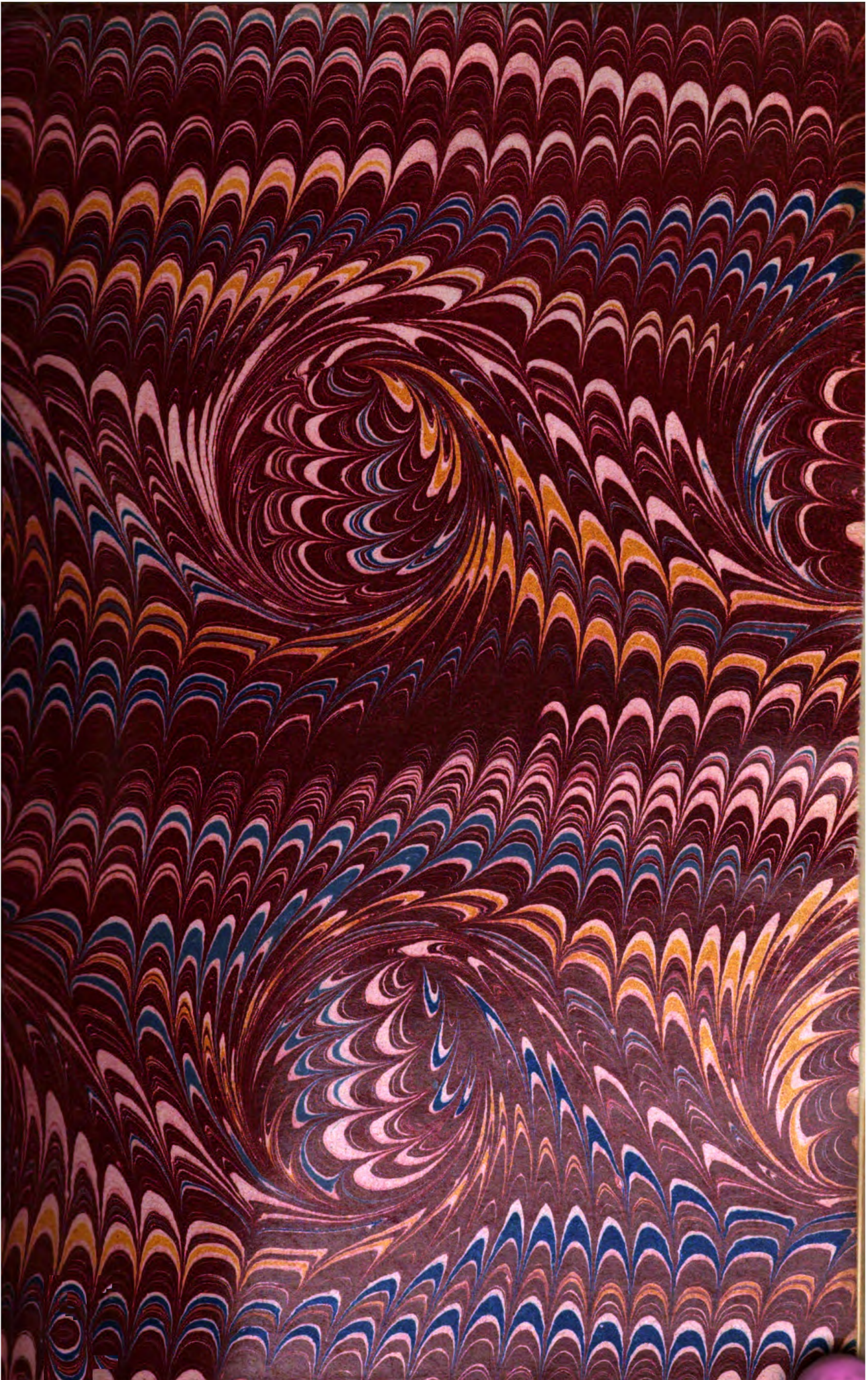

Vet. ~~283~~ 8
PG 3340. Al. 1838 (8)

~~300~~ 10

Presented by Mrs. Stalbybrass ✓ PROV
Confined to Library

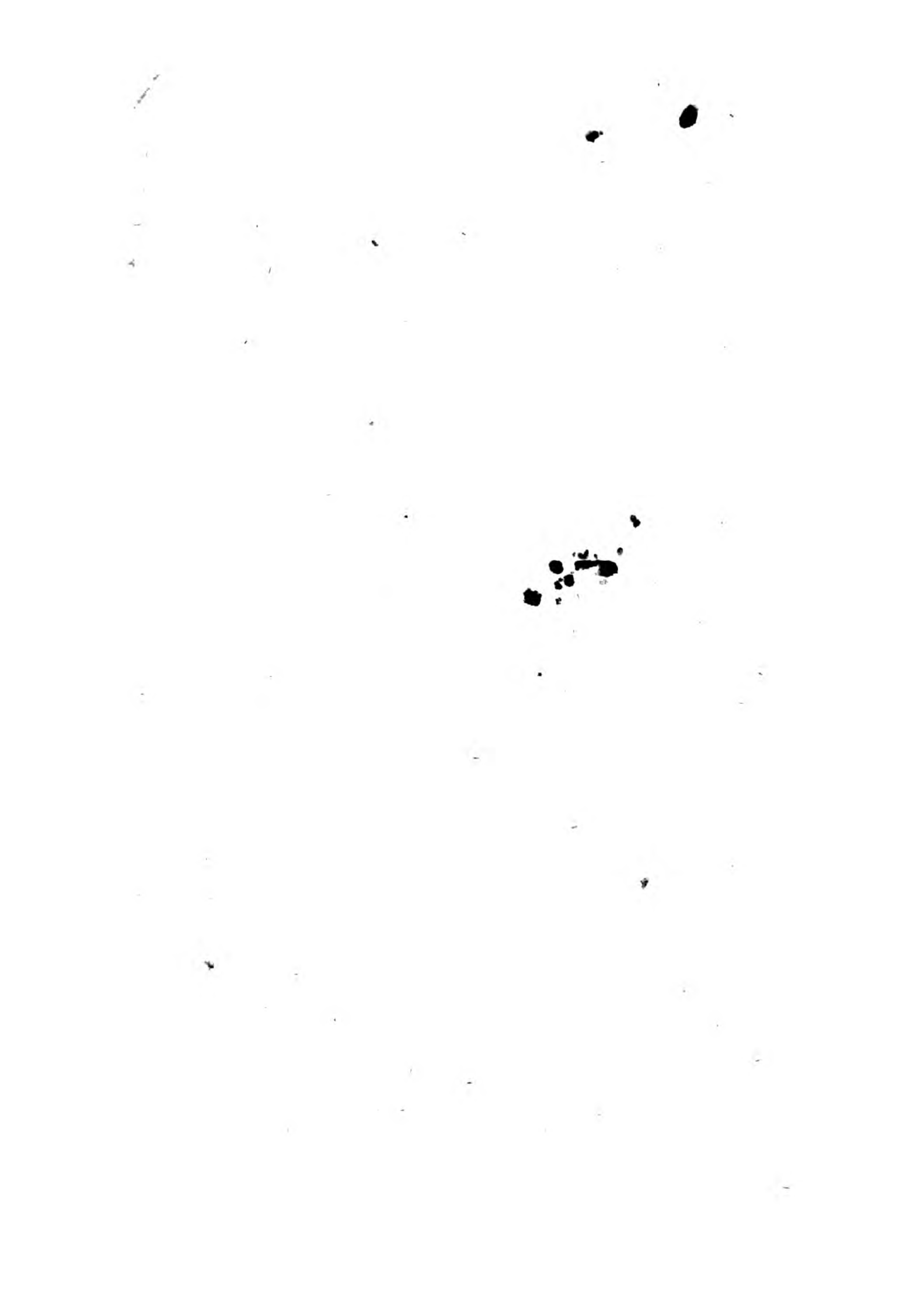

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

VIII.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ВОСЬМОИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭКСПЕДИЦИИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

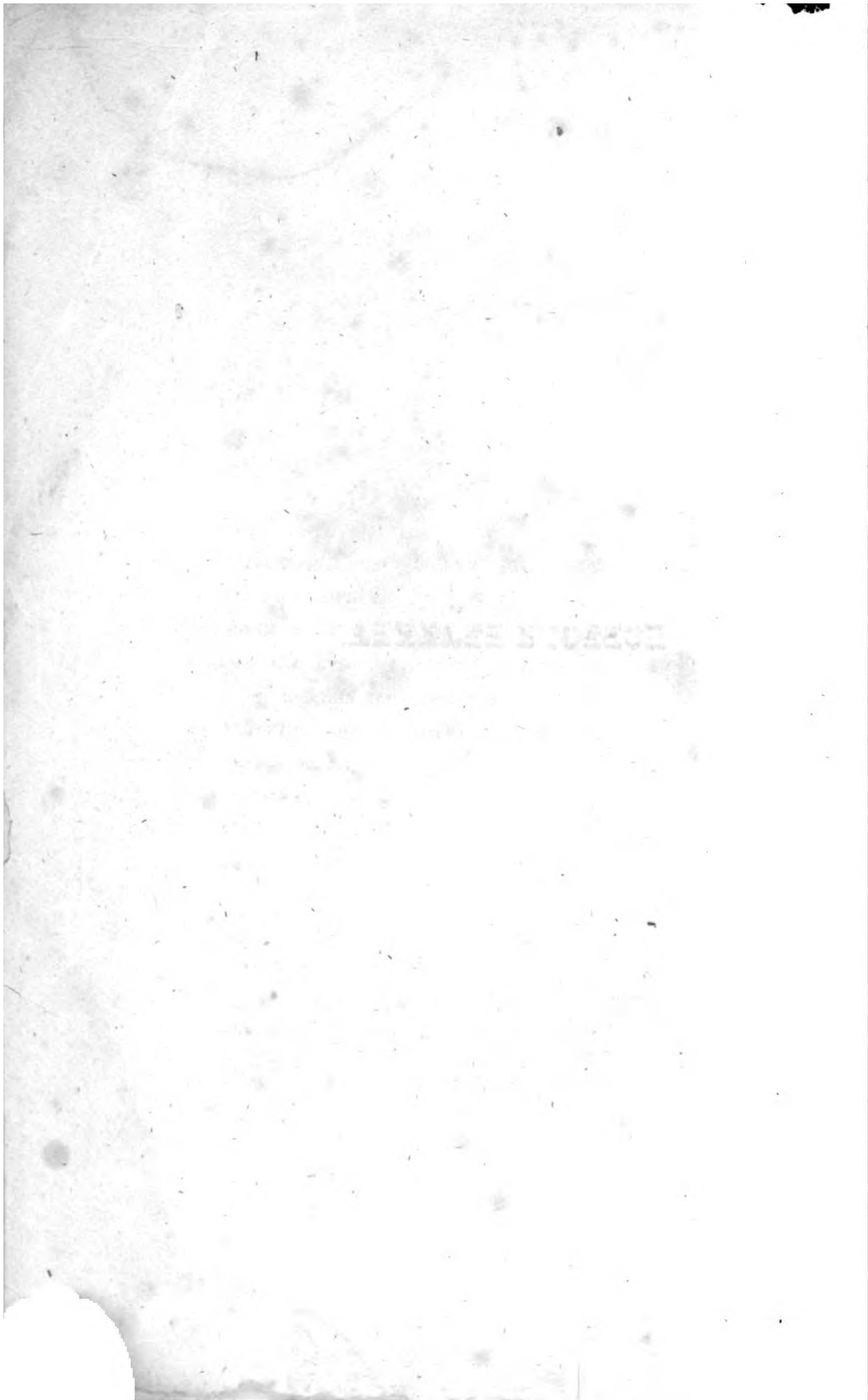
МДСССXXXVIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ законенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрель 3 дня 1837 года.

Ценсоръ Никитенко.

ПОВѢСТИ ВЪЛКИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.*

Взявшись хлопотать объ изданіи книги, предлагаемой нынѣ публикѣ, мы желали къ оной при-
совокупить хотя краткое жизнеописаніе покойна-
го автора, и тѣмъ отчасти удовлетворить спра-
ведливому любопытству любителей отечественной
словесности. Для сего обратились было мы къ
Марьѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей род-
ственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина;
но къ сожалѣнію, ей невозможно было намъ доста-
вить ни какого о немъ извѣстія, ибо покойникъ
вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ
отнестись по сему предмету къ одному почтен-

* Передъ повѣстями, которыя изданы были авторомъ
подъ названіемъ *повѣстей покойнаго Ивана Петро-
вича Бѣлкина*, онъ напечаталъ это предисловіе съ слѣ-
дующимъ эниграфомъ изъ Фонвизина :

Г-жа Простакова

То, мой батюшка, онъ еще связывалъ къ исторіямъ
охотникъ.

Скотининъ.

Митрофанъ по мнѣ.

Идоросль.

ному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоценный памятникъ благороднаго образа мнѣній и трогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой * * * !

Почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, получить имѣлъ я честь 23 сего же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, милостивый государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу.

Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Петръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ изъ дому Трафили-

ныхъ. Онъ былъ человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смѣшленный. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образование отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части Русской Словесности. Въ 1815 году, вступилъ онъ въ службу въ пѣхотный егерскій полкъ (числомъ не упомяну), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горюхино, свою отчину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ рассказывать исторіи. Сія добрая, но глухая старуха не умѣла никогда различить двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя заодно, что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ

отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочную льготу; а въ слѣдующіе болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возобновить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плута старосту, и въ присутствіи Ивана Петровича занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилѣжностію; но какъ по счетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими разысканіями и строгими допросами плута старосту въ крайнее замѣшательство привелъ, и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться

въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній ни сколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодаго человека столь кроткаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей онъ почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ, мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ; никогда не случалось мнѣ видѣть его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почестся можетъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая *.

* Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помещаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ нашемъ упоминаеть изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребности. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онъ, такъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ *. Однакожъ имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околodka, отъ чего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злаго какого либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія

* Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи г. Бѣлкина, надъ каждою повѣстію рукою автора надписано: слышано мною отъ *такой-то особы* (чинъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: *Смотритель* рассказъ былъ ему Титулярнымъ Совѣтникомъ А. Г. Н., *Выстрѣлъ*, Подполковникомъ И. Л. П., *Гробовщикъ*, прикащикомъ Б. В., *Метель и Барышня*, дѣвицею К. П. Т.

уѣзднаго нашего лекаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ леченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей, и тому подобное. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія, и похороненъ въ церкви села Горюхина близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, носъ прямой; лицомъ былъ блѣдень и худощавъ.

Вотъ, милостивый государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.»

1830 году, Июля 16.

Село Ненародово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленныя намъ извѣстія, и надѣмся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе.

1. The first part of the document is a letter from the author to the editor of the journal.

2. The second part of the document is a letter from the editor to the author.

3. The third part of the document is a letter from the author to the editor.

4. The fourth part of the document is a letter from the editor to the author.

5. The fifth part of the document is a letter from the author to the editor.

6. The sixth part of the document is a letter from the editor to the author.

7. The seventh part of the document is a letter from the author to the editor.

8. The eighth part of the document is a letter from the editor to the author.

9. The ninth part of the document is a letter from the author to the editor.

10. The tenth part of the document is a letter from the editor to the author.

11. The eleventh part of the document is a letter from the author to the editor.

12. The twelfth part of the document is a letter from the editor to the author.

13. The thirteenth part of the document is a letter from the author to the editor.

14. The fourteenth part of the document is a letter from the editor to the author.

ВЫСТРѢЛЪ.

ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Стрѣлялись мы.

ВАРАТЫНСКІЙ.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (За нимъ остался еще мой выстрѣлъ.).

Всѣхъ на бизуакъ.

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ ученье, манежъ; обѣдъ у полковаго командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ пуншъ и карты. Въ *** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то

тайственность, окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ сертукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, приготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но шампанское лилось притомъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиныя. Богатое собраніе пистолетовъ было единственною роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неизмѣрно, и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ

между нами касался часто поединковъ. Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковыя вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человекъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть, очень много; послѣ обѣда стали мы уговаривать хозяина прометать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если потерю случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ достальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать по своему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ

же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголь. Сильвіо взялъ мѣлъ и уравнилъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ метать. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: «милостивый государь, извольте выйти, и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ.»

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ, и полагаемъ новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкometу. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъ же во-

прось. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня, Поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будетъ драться? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожь мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова приобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою, и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Го послѣ несчастнаго вечера, мысль, что честь его

была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ, столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, на примѣръ, объ ожиданіи почтоваго дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Пакеты обыкновенно тутъ же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно тутъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили. «Господа, сказалъ имъ Сильвіо, обстоятельства требуютъ

немедленнаго моего отсутствіи; ѣду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ, жду непременно.» Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ; а мы согласясь соединиться у Сильвіо, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оставались одни голыя, прострѣленные стѣны. Мы сѣли за столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его содѣлалась общою; пробки хлопали поминутно, стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ за стола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ Сильвіо со всѣми прощался, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти. «Мнѣ нужно съ вами поговорить,» сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противу друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рту, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло

нѣскольکو минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе. «Можетъ быть, мы цикогда больше не увидимся,» сказалъ онъ мнѣ; «передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю постороннее мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.»

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потуши глаза.

«Вамъ было странно, продолжалъ онъ, что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумазброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я бъ ни за что не простилъ его.»

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Такое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ.

«Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шестъ лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.»

Любопытство мое сильно было возбуждено. «Вы съ нимъ не дрались?» спросилъ я. «Обстоятельства вѣрно васъ разлучили?»

« Я съ нимъ дрался, » отвѣчалъ Сильвіо, и вотъ памятникъ нашего поединка. »

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью съ галуномъ (то, что Французы называютъ *bonnet de police*); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

« Вы знаете, » продолжалъ Сильвіо, « что я служилъ въ * * * Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать, но смолоду это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство было въ модѣ: я былъ первымъ буйномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Б * * *, воспѣтаго Д. Д — мь. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло.

Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человекъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ щастливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе

долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ сталъ-было искать моего дружелюбія; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удался. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданнѣе и острѣе моихъ, и которыя конечно невпримѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ растащили, и въ ту же ночь поѣхали мы драться.

Это было на разсвѣтъ. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, напол-

ненную черешнями. Секунданты отиѣряли намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому: но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки, и чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый № достался ему, вѣчному любимцу счастья. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни, и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. Что пользы мнѣ, подумалъ я, лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ? Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ пистолетъ. Вамъ, кажется, теперь не до смерти, сказалъ я ему, вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣщать. Вы ни чуть не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ, извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ. Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился.

Я выпшелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщени. Нынѣ часъ мой насталь» . . .

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо, и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что *извѣстная особа* скоро должна вступить въ законный бракъ съ ^{молодой} и прекрасной дѣвушкой.

« Вы догадываетесь, » сказалъ Сильвіо, кто эта *извѣстная особа*. Ёду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями! »

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по ^{сабѣ} комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ тележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поехали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N * * уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, развѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ скафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизусть. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня тоску. Принялся я-было за неподслащенную наливку, но отъ нее болѣла у меня голова; да, признаюсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею съ горя*, т. е. самымъ *горькимъ* пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Бликихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ *горькихъ*, коихъ бесѣда состояла большею частію въ икотѣ и въздыханіяхъ. Уединеніе было сносно. Наконецъ рѣшился я ложиться спать какъ можно ранѣе, а обѣдать какъ можно позже; такимъ образомъ укротилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней, и обретохъ, яко се добро есть.

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее графинѣ Б**;
но въ немъ жилъ только управитель, а графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однако жъ во вторую весну моего затворничества разнесся слухъ, что графиня съ мужемъ на лѣто пріѣдетъ въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде, и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое Воскресеніе по ея пріѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село * * * рекомендовать ихъ сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ графской кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно не видавъ чужаго богатства, я оробѣлъ и ждалъ графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода министра. Двери отворились, и вошелъ мужчина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я старался ободриться и началъ-было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже началъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ

добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всажеными одна на другую. «Вотъ хорошій выстрѣлъ» сказалъ я, обращаясь къ графу. — «Да, отвѣчалъ онъ, выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?» продолжалъ онъ. — «Изрядно,» отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ. — «Право?» сказала графиня съ видомъ большой внимательности; «а ты, мой другъ, попадешь ли въ карту на тридцати шагахъ?» Когда нибудь, отвѣчалъ графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета. «О, замѣтилъ я, въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что ваше сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ: пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытъ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяць не брать пистолета: мои были въ починкѣ; что же вы бы думали,

ваше сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ ротмистръ, острякъ, забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ: знать, у тебя братъ, рука не поднимается на бутылку. Нѣтъ, ваше сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то, отвыкнешь какъ разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки. «Графъ и графиня рады были, что я разговорился. «А каково стрѣлялъ онъ?» спросилъ меня графъ. «Да, вотъ какъ, ваше сіятельство: бывало, увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха: вы смѣетесь, графини? Ей Богу, правда. Бывало, увидитъ муху и кричитъ: Кузька, пистолеть! Кузька и несетъ ему заряженный пистолеть. Онъ хлопъ, и вдавливаетъ муху въ стѣну! «Это удивительно!» сказалъ графъ; «а какъ его звали?» «Сильвію, ваше сіятельство.» «Сильвію!» вскричалъ Графъ, вскочивъ со своего мѣста? «вы знали Сильвію? «Какъ не знать, ваше сіятельство? мы были съ нимъ пріятели; онъ въ нашемъ полку принятъ былъ, какъ свой братъ товарищъ; да вотъ ужъ лѣтъ пять, какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и ваше сіятельство, стало быть, знали его?» — «Зналъ, очень зналъ.

Не рассказывалъ ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія? «Не пощечина ли, ваше сіятельство, полученная имъ на балъ отъ какого-то повѣсы?» А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?» Нѣтъ, ваше сіятельство, не сказывалъ... Ахъ! ваше сіятельство, продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ, извините... я не зналъ.... ужъ не вы ли?»... «Я самъ, отвѣчалъ графъ, съ видомъ чрезвычайно растроенымъ, а прострѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи».. «Ахъ, милый мой, сказала графиня, ради Бога не рассказывай; мнѣ страшно будетъ слушать.» «Нѣтъ, возразилъ графъ, я все расскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга: пусть же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ.» — Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій рассказъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honeymoon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человекъ,

не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату, и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка запыленного и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. Ты не узналъ меня, графъ? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувствовалъ, какъ волосы стали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ точно, продолжалъ онъ, выстрѣлъ за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты? Пистолетъ у него торчалъ изъ боковаго кармана. Я отсѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и сталъ тамъ въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ — онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. — Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. Жалѣю, сказалъ онъ, что пистолетъ ^{fast} заряженъ ^{concrete} не черешневыми косточками... пуля ^{сильнѣе} тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ ^{сильнѣе} цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому стрѣлять первому. Голова моя шла кругомъ... Кажется, я не соглашался... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ

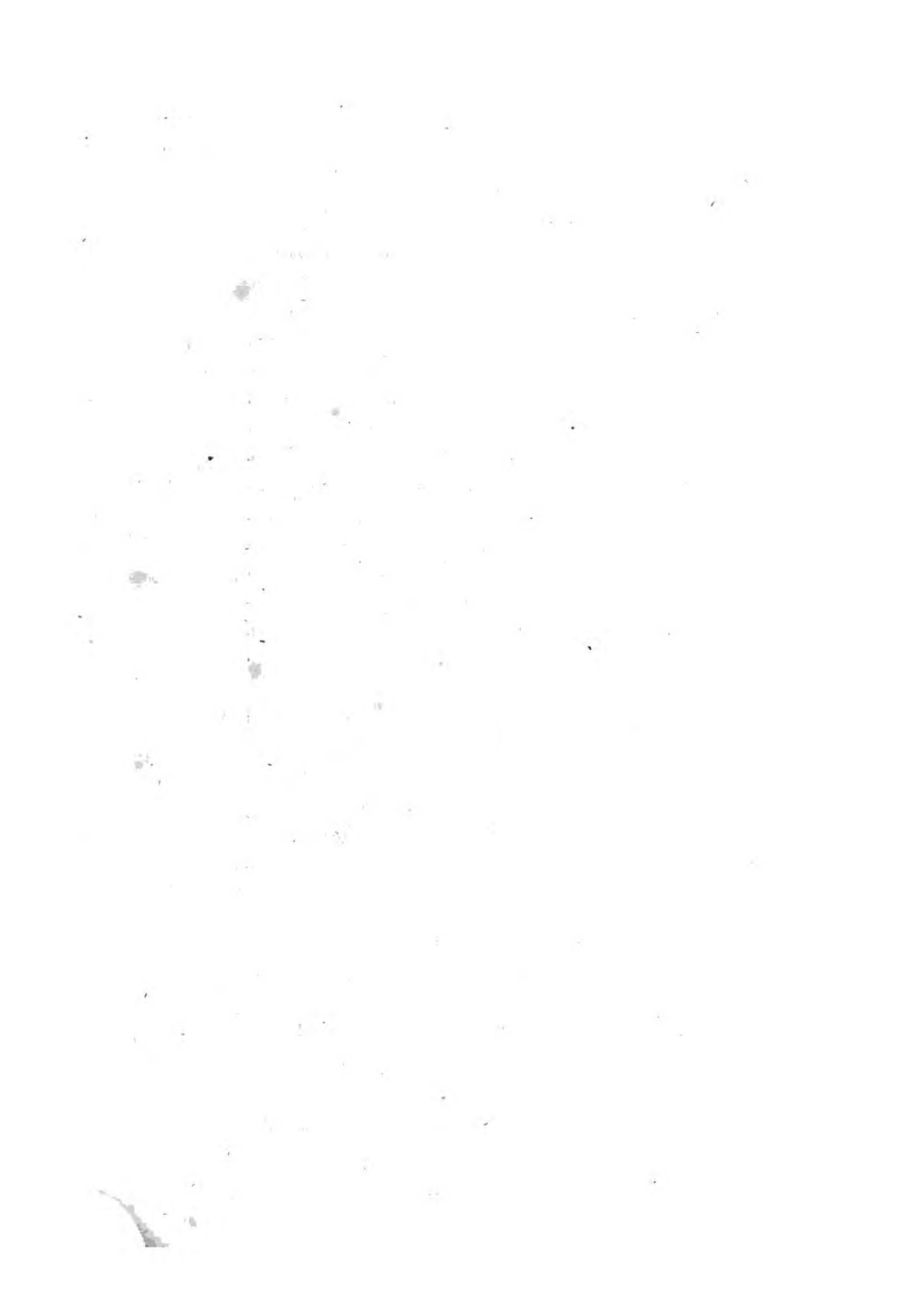
положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною прострѣленную; я вынулъ опять первый номеръ. Ты, графъ, дьявольски счастливъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить, ... но — я выстрѣлилъ, и попалъ вотъ въ эту картину. (Графъ указывалъ пальцемъ на прострѣленную картину; лице его горѣло какъ огонь; графиня была блѣднѣе своего платка: я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

Я выстрѣлилъ, продолжалъ графъ, и слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо . . . . (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ, и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. Милая, сказалъ я ей, развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ же ты перепугалась! поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ; я представляю тебѣ стариннаго друга и товарища. Машѣ все еще не вѣрилось. Скажите, правду ли мужъ говоритъ? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо; правда ли, что вы оба шутите? Онъ всегда шутитъ, графиня, отвѣчалъ ей Сильвіо; однажды далъ онъ мнѣ шутя пощечину, шутя прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шутя далъ сейчасъ по мнѣ промахъ;

теперь и мнѣ пришла охота пошутить.... Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Встань, Маша, стыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, перестанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы стрѣлять или нѣтъ? Не буду, отвѣчалъ Сильвіо, я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ, съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти. Тутъ онъ-было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на прострѣленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокъ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, кликнулъ ямщика, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ Этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

МЕТЕЛЬ.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по суграбъ ;
Тончуть снѣгъ глубокой . . .
Вотъ, въ сторонѣ Божій храмъ
Видѣнь одинокой.
. . . . .
Вдругъ метелица кругомъ ;
Снѣгъ валить клоками ,
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями ;
Вѣщій стоишь гласить печаль !
Кони торопавы
Чутко смотря въ темну даль,
Воздымая гривы . . . .

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ достопамятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Ненародовъ добрый Гаврила Гавриловичъ Р** . Онъ славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминутно ѣздили къ нему поѣсть, попить, поиграть съ его женою, Прасковьей Петровною, по пяти копѣекъ въ бостонъ, а нѣкоторые для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣдную и семнадцати-лѣтнюю дѣвицу. *sum'ncal* Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на Французскихъ романахъ, и слѣдственно была влюблена.

Предметъ, избранный ею, былъ бѣдный армейскій прапорщикъ, находившійся въ отпуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣется, что молодой человекъ пылалъ равно страстію, и что родители его любезной, замѣтя ихъ взаимную склонность, запретили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели отставнаго засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякой день видались наединѣ въ сосновой рошѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая такимъ образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человеку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будутъ тронуты наконецъ ге-

роическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непременно: дѣти! придите въ наши объятія.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было отвергнуто. Наконецъ она согласилась; въ назначенный день она должна была не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ разговорѣ; обѣ онѣ должны были выйти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовые сани, садиться въ нихъ и ѣхать за 5 верстъ отъ Ненарадова, въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти, и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтетъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печаткой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на постель передъ самымъ разсвѣтомъ и

задремала; но и тутъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минуту, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье . . . и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замраніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться . . . другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ непритворной головою болью. Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпрестанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день среди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ея окружавшими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилося. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться съ отцемъ и матерью. Они ее

поцаловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь . . . . На дворѣ была метель; вѣтеръ вылъ, ставни тряслися и стучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надѣла теплый капоть, взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто слясь остановить молодую преступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра расхаживалъ передъ оглоблями, удерживая ретивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвчкѣ усѣться и уложить узлы и шкатулку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насилу съ

нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сороколѣтній корнетъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскіе проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать, и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмитъ, въ усахъ и шпорахъ, и сынъ капитанъ-исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнью. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ, и поѣхалъ домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ, а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту до-

рогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и по минутно то взѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани по минутно опрокидывались; Владиміръ старался только не потерять настоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской роши. Прошло еще около десяти минутъ, роши все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснилось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, не смотря на то, что онъ по минутно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился: началъ думать, припоминать, соображать, и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно было быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; по минутно сани опрокидывались, по минутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно беспокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ: Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу, и въѣхалъ во мракъ деревь, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло - было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ наудачу. Погода утихла, тучи расходились; передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней.

У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; версть десятокъ будетъ.» При семъ отвѣтъ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

«А отколѣ ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. «Можешь ли ты, старикъ, сказать онъ, достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Каки у насъ лошади,» отвѣчалъ мужикъ. — «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно.» — «Постой, сказалъ старикъ, опуская ставень, я те сына вышлю; онъ те проводить.» Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло минуты, онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что жъ твой сынъ?» — «Сейчасъ выдетъ, обувается. Али ты прозябъ? взойди погрѣться.» — «Благодарю, высылай скорѣе сына.»

Ворота заскрыпѣли; паренъ вышелъ съ дубиною, и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. «Да

ужь скоро разсвѣнетъ,» отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворъ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ Ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную, Гаврила Гавриловичъ въ колпакъ и байковой курткѣ, Прасковья Петровна въ шлафрокъ на ватѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать отъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчасъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и съ маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька,» отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла,» сказала Прасковья Петровна. — «Можетъ быть, маменька,» отвѣчала Маша.

День прошел благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лекаремъ. Онъ прїѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, наканунѣ ею написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, отставной корнетъ, усастый землемѣръ и миленькой уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ тайна была сохранена болѣе, чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марья Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однако жъ ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, не отходившая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюблена во Владиміра Николаевича, и что вѣроятно любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдями, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нрав-

ственные поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ приемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное счастье: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненародовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Манѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, ^{mentioned}нашедъ имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненныхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ и боялась, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посѣтила: Гаврила Гавриловичъ скончался, оставя ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ея; она раздѣ-

шла искренно горестъ бѣдной Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться; обѣ онѣ оставили Ненародово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ ***ское помѣстье. *сѣлѣ*

Женихи кружились и тутъ около милой и богатой невѣсты; но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія Французовъ. Память его казалась священной для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имѣ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имѣ переписанные для нея. Сосѣди, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожидали героя, долженствовавшаго наконецъ восторжествовать надъ печальной вѣрностию этой дѣвственной Артемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: Vive Henri-Quatre, Тирольскіе вальсы и арии изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отрочаками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣщенные кре-

сгами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь Нѣмецкія и Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, какая была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: ура!

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кто изъ тогдашнихъ офицеровъ не сознается, что Русской женщинѣ обязанъ онъ быть лучшей, драгоценнѣйшей наградой? . . .

Въ это блистательное время Марья Гавриловна жила съ матерью въ * * * губерніи, и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фракѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все попрежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были

отступить, когда явился въ ея замкъ раненый гусарскій полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ *интересной блѣдностію*, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала; но поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ бы:

Se amor non è, che dunque? . . .

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человекъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безопасно наемѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но чтобъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости, обнаруживающія смѣлость и пыкость характера.

Но болѣе всего . . . . (болѣе его нѣжности, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его: какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? что удерживало его? робость, неразлучная съ истинною любовію, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностію, и смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностію. Она пріуготовляла развязку самую неожиданную и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романческаго объясненія. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впалъ въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ, что рѣшительная минута, казалось, уже близка. Сосѣди говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радова-

лась, что дочь ея наконецъ нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая грань-пасьянсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. «Она въ саду, отвѣчала старушка; подите къ ней, а я васъ буду здѣсь ожидать.» Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: авось дѣло сегодня же кончится!

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подѣ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ ^{willow} платьѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, ^{strange situation} отъ котораго можно было ^{misunderstanding} избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

«Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ, я васъ люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). «Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ ^{habit} видѣть и слышать васъ ежедневно...» (Марья

Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux.)
 «Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ, отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, прервала съ живостію Марья Гавриловна, и никогда не могла быть вашею женою...» — Знаю, отвѣчалъ онъ ей тихо, знаю, что нѣкогда вы любили, но смерть и три года сѣтованій... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое счастье, если бы...» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня.» — «Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнѣйшее созданіе... и женатъ!»

Марья Гавриловна ^{очень} взглянула на него съ удивленіемъ.

«Я женатъ, продолжалъ Бурминъ; я женатъ уже четвертой годъ и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!»

«Что вы говорите?» воскликнула Марья Гавриловна; «какъ это странно! Продолжайте; я расскажу послѣ... но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ, я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Приѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ, и велѣлъ ѣхать туда. Мы приѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло нѣсколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?» сказалъ мнѣ кто-то; «невѣста въ обморокѣ; попъ не знаетъ, что дѣлать; мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе.» Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ

въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу, сказала эта, насилу вы прѣхали. Чуть-было вы барышню не уморили.» Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка,» отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна. . . . Непонятная, непростительная вѣтренность. . . . я сталъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ торопился; трое мужчинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвѣнчали. «Поцалуйтесь,» сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лице. Я хотѣлъ было ее поцаловать. . . . Она вскрикнула: «Ай, не онъ! не онъ!» и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго препятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: пошелъ!

«Боже мой!» закричала Марья Гавриловна;» и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою?»

«Не знаю», отвѣчалъ Бурминъ; не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отѣхавъ отъ церкви заснулъ, и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи.

Слуга, бывший тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ, что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко, и которая теперь такъ жестоко отомщена.»

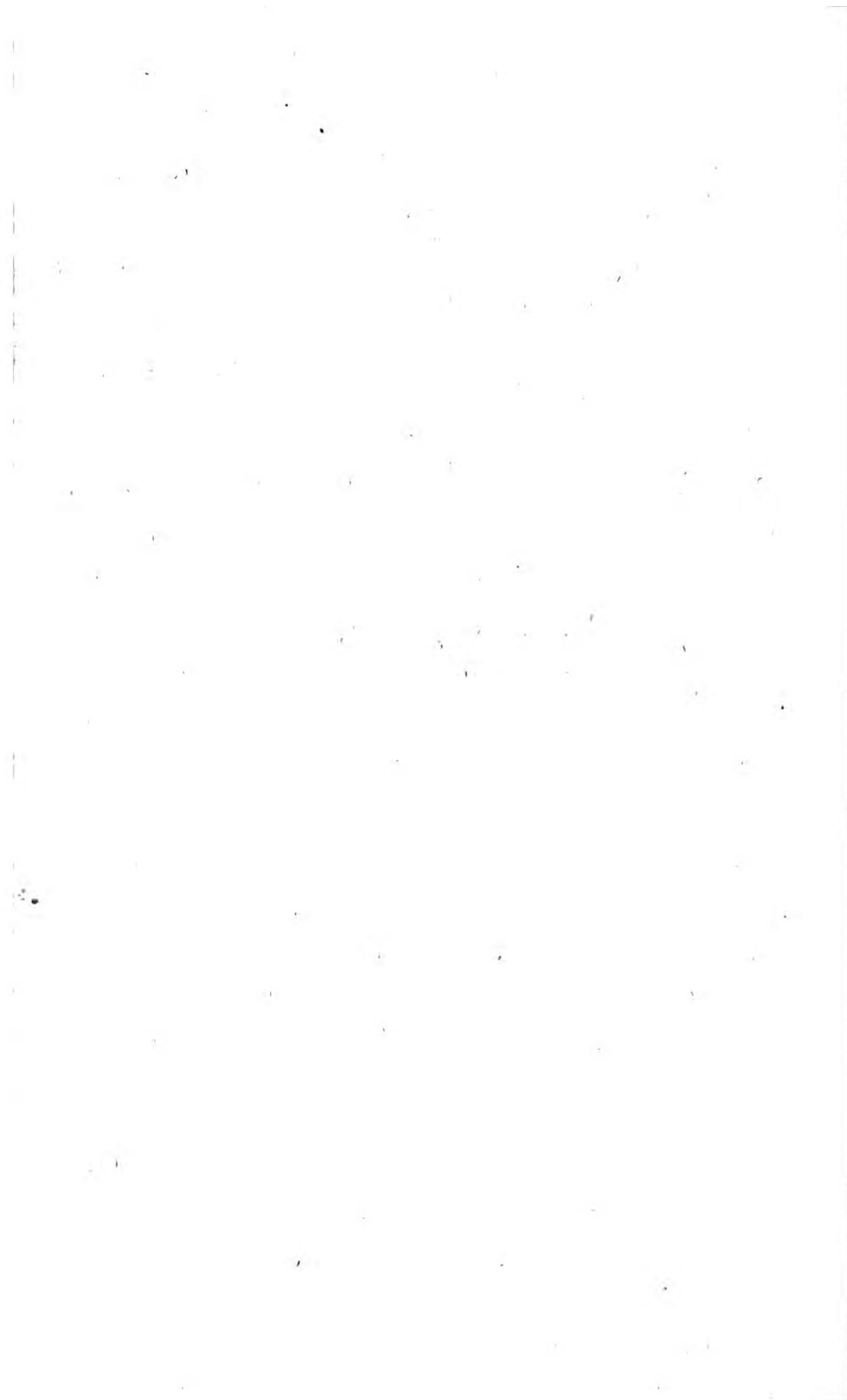
«Боже мой, Боже мой!» сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку; «такъ это были вы! И вы не узнаете меня?»

Бурминъ поблѣднѣлъ.... и бросился къ ея ногамъ....

ГРОБОВЩИКЪ.

ГРОВОЩИКЪ.

Не зря ли каждый день гробовъ,
Сядитъ дряхлеющей вселенной.

Державинъ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адриана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и тощая пара въ четвертый разъ потащилась съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домою. Заперши лавку, прибилъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ суматоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіе осьмнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; сталъ

бранить обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивоть съ образами, шкапъ съ посудой, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ; въ кухнѣ и гостиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами, мантиями и факелами. Надъ воротами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и починяются старые.» Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу, Адрианъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ, оба представили своихъ гробкопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ, мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру, и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адрианъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда

заставалъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. И такъ Адріанъ, сидя подь окномъ, и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороны отставнаго бригадира. Многія мантии отъ того съузились, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наследники, не смотря на свое обѣщаніе, не поѣхали послать за нимъ въ такую даль и не сторговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сии размышленія были прерваны нечаянно тремя фран-масонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человекъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Нѣмца ремесленника, вошелъ въ комнату, и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любезный сосѣдъ,» сказалъ

онъ тѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха донинѣ слышать не можемъ, «извините, что я вамъ помѣшалъ... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Готлибъ Шульцъ, и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ, что противъ вашихъ окошекъ. Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ отобѣдать у меня попріятельски.» Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и благодаря открытому нраву Готлиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуетъ ваша милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э хе хе,» отвѣчалъ Шульцъ, «и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть конечно мой товаръ не то, что вашъ; живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ.» — «Суцая правда,» замѣтилъ Адріанъ; «однако жъ, если живому не на что купить сапогъ, то, не прогнѣвайся, ходитъ онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ.» Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ всталъ и простился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки ново-

купленного дома, и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни Русскаго кафтана Адриана Прохорова, ни Европейскаго наряда Акулины и Дарьи, отступая въ семь случаевъ отъ обычая, принятаго нынѣшними романистами. Полагаю однако жъ не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красныя башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена гостями, большею частію Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями; изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвшій ^{watchman} пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семь званіи вѣрой и правдою, какъ почталіонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желтую будку. Но тотчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ ^{watch house} явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками Дорическаго ордена, ^{free} и Юрко сталъ опять расхаживать около нея съ *стикрой* и въ бронь *сермяжной*. Онъ былъ знакомъ большей части Нѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Адрианъ тотчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ

которомъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вмѣстѣ. Господинъ и госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцати-лѣтняя Лотхенъ, обѣдая съ гостями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ за четверыхъ; Адрианъ ему не уступалъ; дочери его чинились; разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ часъ отъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ потребовалъ вниманія, и откупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ по-русски: «За здоровье моей доброй Луизы!» Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцаловалъ свѣжее лице сороколѣтней своей подруги, и гости шумно выпили здоровье доброй Луизы. «За здоровье любезныхъ гостей моихъ!» провозгласилъ хозяинъ, откупоривая вторую бутылку — и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ: пили здоровье каждаго гостя особливо, пили здоровье Москвы и цѣлой дюжины Германскихъ городковъ, пили здоровье всѣхъ цеховъ вообще и каждаго въ особенности, пили здоровье мастеровъ и подмастерьевъ. Адрианъ пилъ съ усердіемъ, и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутливый тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, толстой будочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье тѣхъ, на ко-

торыхъ мы работаемъ, *unserer Rundleute!* » Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, портной сапожнику, сапожникъ портному, булочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обратясь къ своему сосѣду: «Что же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвцевъ.» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ, гости продолжали пить, и уже благовѣстили къ вечернѣ, когда встали изъ-за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части навеселѣ. Толстой булочникъ и переплетчикъ, ко-его лице казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подруки отвели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семь случаевъ, Русскую пословицу: долгъ платежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Что жъ это, въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое не честнѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ братъ палачу? чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ гаэръ святочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвцевъ православныхъ.» — «Что ты, батюшка?» сказала работница, которая въ это

время разувала его; «что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!» — «Ей Богу, созову,» продолжалъ Адрианъ, «и на завтрашній же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попить; угощу, чѣмъ Богъ послалъ.» Съ этимъ словомъ гробовщикъ отправился на кровать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно, какъ Адриана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный, отъ ея прикащика, прискакалъ къ Адриану верхомъ съ этимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся наскоро, взялъ извозчика и поѣхалъ на Разгулій. У воротъ покойницы уже стояла полиція, и расхаживали кушцы, какъ вороны, почуя мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ, желтая какъ воскъ, но еще не обезображенная тлѣніемъ. Около нея тѣснились родственники, сосѣди и домашніе. Всѣ окна были открыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы. Адрианъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сертукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣяннo, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ

полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, отпустивъ своего извозчика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку, и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адріанъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Что добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирався войти, но увидя бѣгущаго хозяина, остановился, и снялъ треугольную шляпу. Адріану лице его показалось знакомо, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. «Вы пожаловали ко мнѣ,» сказалъ запыхавшись Адріанъ; «войдите же, сдѣлайте милость. — Не церемонься, батюшка,» отвѣчалъ тотъ глухо; «ступай себѣ вне-

редь; указывай гостямъ дорогу!» Адриану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ за нимъ. Адриану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. «Что за дьявольщина!» подумалъ онъ, и спѣшилъ войти. . . . тутъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и снѣія лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы. . . . Адрианъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался, и стоялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и лентахъ, мертвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небритыми, кушцы въ праздничныхъ кафтанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ,» сказалъ Бригадиръ отъ имени всей честной компаніи; «всѣ мы поднялись на твое приглашеніе; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого остались одиѣ кости безъ кожи, но и тутъ одинъ не утерпѣлъ — такъ хотѣлось ему

побывать у тебя. . . » Въ эту минуту, маленькой скелеть продрался сквозь толпу, и приблизился къ Адриану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ,» сказалъ скелеть.» Помнишь ли отставнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому, въ 1799 году, ты продалъ первый свой гробъ — и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему костяныя объятія — но Адрианъ, собравшись съ силами, закричалъ, и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія; всѣ вступились за честь своего товарища, пристали къ Адриану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ, и почти задавленный, потерялъ присутствіе духа, самъ упалъ на кости отставнаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постелю, на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адрианъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, бригадиръ

и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чтобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній.

«Какъ ты заспался, батюшка, Адрианъ Прохоровичъ,» сказала Аксинья, подавая ему халатъ. «Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня Частный имянинникъ, да ты изволилъ почивать, и мы не хотѣли тебя разбудить.»

— «А приходили ко мнѣ отъ покойницы Трюхиной?»

«Покойницы? Да развѣ она умерла?»

— «Эка дура! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживать ея похороны?»

«Что ты, батюшка, не съ ума ли спятилъ, али хмѣль вчерашній еще у ты не прошелъ? Какія были вчера похороны? Ты цѣлый день пировалъ у Нѣмца, воротился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ отблаговѣстили.»

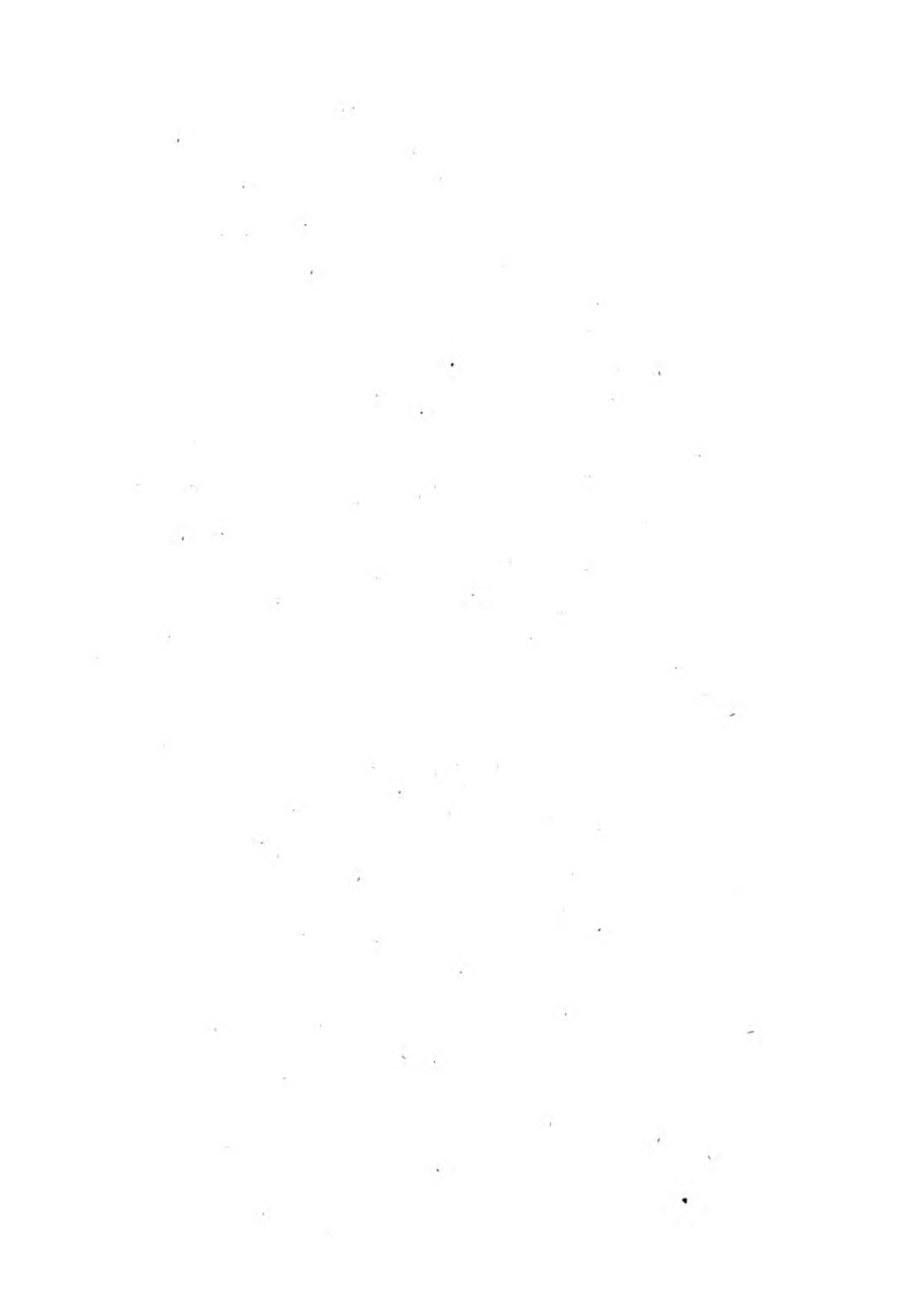
— «Ой ли!» сказалъ обрадованный гробовщикъ.

«Вѣстимо такъ,» отвѣчала работница.

— «Ну, коли такъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей.»

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежій Регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранивался? Кто, въ минуту гнѣва, не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою бесполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или, по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ однако справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ

называетъ его шутливо Князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымещаетъ на смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ — а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошеннаго гостя; но если не случится лошадей? . . . Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенской морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Приѣзжаетъ генераль; дрожащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ курьерскую. Генераль ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ — колокольчикъ! . . . и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную! . . . Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіе двадцати лѣтъ сряду, изъѣздивъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ зна-

комы; рѣдкаго зрителя не знаю я въ лице, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покажѣсть скажу только, что сословіе станціонныхъ зрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сии столь оклеветанные зрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коиими некстати пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія зрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоценна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-то намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ, и платилъ прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего, зри-

тели со мною не церемонились, и часто биралъ я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе зрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ, въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общедобнаго правила: *гинь гина почитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣръ: *умъ ума почитай*? Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи *** стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По прїѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ зритель, «поставь самоваръ, да сходи за сливками.» При сихъ словахъ вышла изъ-за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати, и побѣжала въ сѣни. Красота ея мени поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я зрителя. — «Дочка-съ,» отвѣчалъ онъ съ

видомъ довольнаго самолюбія;» да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать.» Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой, почтенный старикъ въ колпакѣ и шафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который послѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой, яркими чертами изображено развратное поведеніе молодаго человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ въ томъ же колпакѣ и шафрокѣ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные Нѣмецкіе стихи. Все это донинѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзаминомъ и кровать съ нестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружа-

вшіе. Вижу, какъ теперь, самаго хозяина, человека лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и добраго: на немъ былъ длинный зеленый сертукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со втораго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потушила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать, она отвѣчала мнѣ безъ всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дуня подалъ я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ зрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ нимъ простился; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телеги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцеловать; Дуня согласилась . . . Много могу я насчитать поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь, но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго зрителя и

обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумалъ я, старый смотритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ, но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Смотритель спалъ подъ ^{дѣрзку} тулупомъ; мой пріѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ . . . . Это былъ точно Самсонъ Выринъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирався онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небритаго лица, на сторбленную ^{и какъ} спину — и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодрого мужчину въ хилаго старика. «Узналъ ли ты меня?» спросилъ я его; «мы съ тобою старые знакомые.» — «Можетъ статься,» отвѣчалъ онъ угрюмо; «здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало.» — «Здорова ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ,» отвѣчалъ онъ. — «Такъ видно она замужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слышалъ моего вопроса,

и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакома.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ ^{свернулся} сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?» началъ онъ. «Кто же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка то была. Бывало, кто ни проѣдетъ, всякой похвалить, никто не осудить. Барыни дарили ее, то иголкой, то сережками. Господа проѣзжие нарочно ^{сваливали} останавливались, будто бы пообѣдать, а въ самомъ дѣлѣ, только чтобъ на нее подолбе поглядѣть. Бывало, баринъ какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите ль, сударь: курьеры, фельдъегери съ нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что прибрать, что приготовить, ^{была} за всѣмъ успѣвала. А я то, старый дуракъ, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; ужъ я ли не любилъ моей Дуни, и ль не лелѣлъ

моего дитяти; ужь ей ли не было житье! Да итъ, отъ бѣды не отбожись: что суждено, тому не миновать.» Тутъ онъ сталъ подробно рассказывать мнѣ свое горе. — Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ новое платье, тройка подѣхала, и проѣзжій въ черкеской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семь извѣстїи, путешественникъ возвысилъ-было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ такимъ сценамъ, выбѣжала изъ за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: не угодно ли будетъ ему чего нибудь покушать? Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго пошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, отпутавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чтобъ тотчасъ, не кормя, запрягли ихъ въ кибитку проѣзжаго; но возвратясь, нашелъ онъ молодаго человѣка почти безъ памяти

лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать . . . . Какъ быть! смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С*** за лекаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лекаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксу-сомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однако жъ выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ея заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвра-щая кружку, въ знакъ благодарности слабою сво-ею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лекарь. Онъ пощупалъ пульсъ больнаго, поговорилъ съ нимъ понѣмецки, и порусски об-явилъ, что ему нужно одно спокойствіе и что дни черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лекарь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсѣмъ ожи-вился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умол-
blasing

ку шутилъ то съ Дунею, то съ смотрителемъ; навсвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проезжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградивъ его за постой и угощеніе; простился и съ Дунею и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи. . . . «Чего же ты боишься?» сказалъ ей отецъ; «вѣдь его высокоблагородіе не волкъ и тебя не съѣстъ; прокатись-ка до церкви.» Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ящикъ свиснулъ и лошади поскакали.

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дуни ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ, и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже расходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ алтаря; дья-

чекъ гасилъ свѣчи, двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Вѣднѣй отецъ насилу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня по вѣтрости молодыхъ лѣтъ вздумала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Старикъ не снесъ своего несчастія: онъ тутъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь, смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Вѣдникъ занемогъ сильной горничкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Тотъ же лекарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лечилъ и его. Онъ увѣрилъ смотрителя, что молодой человекъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ или только желалъ похвастаться дальновидностію,

благ

это сдѣлано

но онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больного. Едва оправясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось,» думалъ смотритель, «приведу я домой заблудшую овенку мою.» Съ этой мыслію прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставнаго унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что ротмистръ Минскій въ Петербургъ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю, и просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ просить съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на

глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше высокоблагородіе! . . . сдѣлайте такую Божескую милость! . . .» Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собой дверь. «Ваше высокоблагородіе!» продолжалъ старикъ, «что съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣпились ею; не погубите жъ ее по напрасну.» — «Что сдѣлано, того не воротить», сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ; «виновать передъ тобою, и радъ просить у тебя прощенія, но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось.» Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за общлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пяти и десятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на землю, притопталъ каблукомъ, и пошелъ . . . . Ото-

шедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ . . . . и воротился . . . . но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человекъ, увидя его, подбѣжалъ къ извозчику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «^{зипи шдер} пошелъ! . . .» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней, и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ — да и пошелъ.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебенъ у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехъ-этажнымъ домомъ у самаго подъѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльце. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ смотрителя. Онъ воротился, и поровнявшись съ кучеромъ: «Чья, братъ, лошадь?» спросилъ онъ, «не Минскаго ли?» — «Точно такъ,» отвѣчалъ кучеръ, «а что тебѣ?» — «Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дунѣ записочку, а я и позабуду, гдѣ Дуня-то его живетъ.» — «Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ,

съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нее.» — «Нужды нѣтъ,» возразилъ смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца «спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю.» И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ, прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ, ему отворили. «Здѣсь стоитъ Авдотья Самсоновна?» спросилъ онъ. «Здѣсь, отвѣчала молодая служанка; «зачѣмъ тебѣ ея нужно?» Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. «Нельзя, нельзя!» закричала вслѣдъ ему служанка; «у Авдотьи Самсоновны гости.» Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ богатоубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его кресель, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностію смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ поневолѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову . . . и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій

кинулся ее поднимать, и вдруг увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. «Чего тебѣ надобно?» сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы; «что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и сильной рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступить. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію, и опять принялся за свою должность. «Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ объ ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дурь, сегодня въ атласъ да бархатъ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ ^{сережкой} голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ же пропадаетъ, такъ поневолѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы . . . .»

Таковъ былъ расказъ пріятеля моего, стараго смотрителя, расказъ, неоднократно прерываемый

слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитриева. Слезы сіи отчасти возбуждаемы были пуншемъ, коего вытянулъ онъ ^{впечатавъ} пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онъ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго зрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ . . . .

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко * * *, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «Живъ ли старый ^{самъ} зритель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился ^{посѣтить} знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красные и желтые листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцаловала меня бѣдная Дуня) выпшла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый зритель съ годъ какъ померъ, что въ домъ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной по-

ѣздки и семи рублей издержанныхъ даромъ. «Отъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену. — Спился, батюшка — отвѣчала она. «А гдѣ его похоронили?» — За околицей, подлѣ покойной хозяйки его. — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — Почему же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителю могилу. —

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжий и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

— Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ: «Дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!» а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится. —

«А проѣзжіе вспоминаютъ ли его?»

— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ заѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня; такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ, и ходила къ нему на могилу. —

«Какая барыня?» спросилъ я съ любопытствомъ

— Прекрасная барыня — отвѣчалъ мальчишка; ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя

маленькими барчатами и съ кормилицей, и съ черной моською; и какъ ей ^{показали} сказали, что старый ^{dog} смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смирно, а я схожу на кладбище.» А я было-вызвался довести ее. А барыня сказала: Я сама дорогу знаю. И дала мнѣ пятакъ серебромъ — такая добрая барыня! —

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцемъ. Отроду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

— Вотъ могила стараго смотрителя, — сказала мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груды песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

«И барыня приходила сюда?» спросилъ я.

— Приходила, отвѣчалъ Ванька; я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь, и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село, и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ — славная барыня! —

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ, и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ тѣхъ Душенькахъ, нарядахъ хороша

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню, и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла вродяхъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжѣхъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, утроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околдкѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣди, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ,

with days

plush

по праздникамъ надѣвалъ онъ сертукъ изъ сукна домашней работы; самъ записывалъ расходъ, и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящій Русской баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ Англійскій садъ, на которой тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты Англійскими жокеями. У дочери его была мадамъ Англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не родится, и не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунской Совѣтъ: оборотъ, казавшійся ^{nominal} въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не

могъ равнодушно говорить объ англоманіи своего сосѣда, и поминутно находилъ случай его критиковать. Показывалъ ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: «да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой уемѣшкою; «у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ поанглійски разоряться! Были бы мы порусски хоть сыты.» Сіи и подобныя шутки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего зоица медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** Университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу, но отецъ на то не согласился. Къ статской службѣ молодой человекъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякой случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право было бы жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, про-

всѣ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотри, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣди говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онъ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: *Акулинь Петровнѣ Курочкиной: въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевскаго монастыря, въ домъ ядника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.*

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя па чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣянными нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гости оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно великому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уни-

чтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: *особенность характера, самобытность* (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навѣкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однако жъ *voilà postea manet*, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили ко немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ къ другу не ѣздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживили ея смуглое и очень пріят-

ное лице. Она была единственное и слѣдственно балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаянье ея мадамъ, миссъ Жаксонъ, сороколѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей, и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Аносовѣ лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая нанерсница во Французской трагедіи.

«Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости,» сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— Изволь; а куда? —

«Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница, и вчера приходила звать насъ отобѣдать.»

— Вотъ! — сказала Лиза, господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

«А намъ какое дѣло до господъ!» возразила Настя; «къ тому же я ваша, а не паненькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.»

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да Расскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человекъ. —

Настя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась. «Ну, Лизавета Гавриловна,» сказала она входя въ комнату, «видѣла молодого Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.»

— Какъ это? Расскажи, Расскажи попорядку. —

«Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька. . . .»

— Хорошо, знаю. Ну потомъ. —

«Позвольте-съ, Расскажу все попорядку. Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія, Захарьевскія, прикащица съ дочерьми, Хрупинскія. . . .»

— Ну! а Берестовъ? —

«Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея. . . а дочери и надумись, да мнѣ наплевать на нихъ. . . .»

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями! —

«Да какъ же вы нетерпѣливы! Ну вотъ вышли мы изъ-за стола. . . а сидѣли мы часа три и обѣдъ былъ славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое . . . Вотъ вышли мы изъ-за стола,

и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.»

— Ну чтожь? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою? —

«Удивительно хорошъ, красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку...»

— Право? А я такъ думала, что у него лице блѣдное. Что же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печалень, задумчивъ? —

«Что вы? Да этакаго бѣшеннаго я и сроду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.»

— Съ вами въ горѣлки бѣгать! Невозможно! —

«Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймасть, и ну целовать!»

— Воля твоя, Настя, ты врешь. —

«Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился.»

— Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ? —

«Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, прикащикову дочь, тоже; да и на Пашу Колбинскую, да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ!»

— Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно? —

«Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любить гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: со временемъ ^{zum after} остепенится.»

— Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! — сказала Лиза со вздохомъ.

«Да что же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ недалеко, всего три версты: подите гулять въ ту сторону, или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ же всякой день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.»

— Да нѣтъ, не хорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться. . . . Ахъ, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою! —

«И въ самомъ дѣлѣ; надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ уже васъ не прозѣваетъ.»

— А поздѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! — И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непременно исполнить веселое свое предположеніе. На другой же день приступила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ; съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сара-

фань, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову, и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль. На ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчїи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насті. Одно затруднило ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Заигралъ рожокъ и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькія, пестрыя лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шепотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокъ и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожида-

ютъ государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рошѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая молодыя наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза ^{проникла} вошла въ сумракъ роши. Глухой, перекатный шумъ ея ^{слышался} привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало по малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... по можно ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцати-лѣтняя барышня, одна, въ рошѣ, въ пятомъ часу весенняго утра? И такъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Sbogar, ici... и молодой охотникъ показался изъ-за кустарника. — Не бось, милая, сказалъ онъ Лизѣ, собака моя не кусается. — Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга, и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. «Да нѣтъ; баринъ, сказала она, притворяясь полужупанной, полужастѣнчивой, «боюсь: она, вить,

такая злая; опять кинется.» Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. — Я провожу тебя, если ты боишься, сказалъ онъ ей; ты мнѣ позволишь итти подлѣ себя? — «А кто те мѣшаетъ?» отвѣчала Лиза; «вольному воля, а дорога ^{hinder} мѣрская.» — Откуда ты? — «Изъ Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы.» (Лиза неслла кузовокъ ^{to the market} на веревочкѣ). «А ты, баринь? Тугиловскій, что-ли?» — Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй, — я камердинеръ молодаго барина. Алексѣю хотѣлось урловннать ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. «А лжешь,» сказала она, «не на дуру попалъ. Вижу, что ты самъ баринь.» — Почему-же ты такъ думаешь? — «Да по всему.» — Однакожь? — «Да какъ же барина съ слугой не распознать? И одѣтъ-то не такъ, и баишь иначе, и собаку то кличешь не по нашему.» Лиза часъ отъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгой и холодной видъ, что хотя это и размѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній «Если вы хотите, чтобы мы были впередъ пріятелями,» сказала она съ важностію, «то не извольте забываться.» — Кто

тебя научилъ этой премудрости? спросилъ Алексѣй расхохотавшись. Ужъ не Настенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе! — Лиза почувствовала, что вышла-было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. «А что думаешь?» сказала она; «развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась. Однако,» продолжала она, «болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ» Лиза хотѣла удалиться, Алексѣй удержалъ ее за руку. — Какъ тебя зовутъ, душа моя. — «Акулиной,» отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой; «да пусти-жь, баринъ; мнѣ и домой пора.» — Ну, мой другъ Акулина, непременно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью кузнецу. — «Что ты?» возразила съ живостію Лиза, «ради Христа не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ роцѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ; отецъ мой, Василій кузнецъ, прибьетъ меня до смерти.» — Да я непременно хочу съ тобою опять видѣться. — «Ну я когда нибудь опять сюда приду за грибами.» — Когда же? — «Да хоть завтра.» — Милая Акулина, расцаловалъ бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не

правда ли? — «Да, да.» — И ты не обманешь меня? — «Не обману.» — Побожись. — «Ну вотъ те святая пятница, приду.»

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась чрезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Пастя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчала на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и затянута въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартички. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. «Нѣтъ ничего здоровѣе,» сказалъ онъ, «какъ просыпаться на зарѣ.» Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнутыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторила всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія, совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе безпокоило ее; она

совсѣмъ было рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ся напрасно, могъ итти отыскивать въ селѣ дочь Василья кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась ^{frank} на другое утро опять явиться въ роцѣ Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувший синій сарафанъ, и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слезы унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась; что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знаком-

ство, которое ни до чего добраго не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчїи; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы отвратить Акулину отъ ея намѣренїя; увѣрялъ ее въ невинности своихъ желанїй, обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать его одной отрады: видаться съ нею наединѣ, хотя бы чрезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. «Дай мнѣ слово,» сказала она наконецъ, «что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или спрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданїй, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу.» Алексѣй поклялся—было ей святою пятницею, но она съ улыбкой остановила его. «Мнѣ не нужно клятвы,» сказала Лиза, «довольно одного твоего обѣщанїя.» Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока Лиза сказала ему: пора. Они разстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданїя успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенїя съ Акулиной имѣли

для него прелесть новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку, на мрачную разочарованность, былъ доброй и пылкой малой и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными, и такъ я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ, но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстоянiе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая не-

нависть существовала между ихъ отцами и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романической надеждою увидѣть наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень), Иванъ Цетровичъ Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякой случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнившись хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать кудую свою кобылку, и рысью поѣхалъ около своихъ англазированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ-за кустарника. Еслибъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно бь онъ повернулъ въ сторону; но онъ поѣхалъ на Берестова вовсе неожиданно, и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный Европеецъ, подѣхалъ къ своему против-

нику и учтиво его привѣтствовали. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпиной медвѣдь кланяется *Господажъ* по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяць выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стреминной закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, небывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отличнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ неприятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага, прежде сію незамѣченнаго, вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою купую кобылу, которая какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскочилъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между тѣмъ стреманный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ устцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, затравивъ зайца и ведя своего противника раненымъ и почти восноплѣннымъ.

Сосѣди, завтракая, разговаривались довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушибу не былъ онъ въ состояннн доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) прїѣхать отобѣдать попріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться отъ пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу. «Что это значитъ, папа?» сказала она съ удивленіемъ; «отъ чего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки?» — Вотъ ужъ не угадаешь, ту dear, отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и рассказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Берестовы. «Что вы говорите!» сказала она, поблѣднѣвъ. «Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за что не покажусь.» — Что ты, съ ума сошла? возразилъ отецъ: давно ли ты стала такъ застѣнчива, или ты къ нимъ питаешь наследственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься . . . — «Нѣтъ, папа,

ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми.» Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нею ничего не возмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное . . . . Вдругъ мелькнула ей мысль. Она тотчасъ передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей какъ находкѣ, и положили исполнить ее непременно.

На другой день за завтракомъ Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ. «Папа,» отвѣчалъ Лиза, «я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними ни явилась, чтобъ я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.» — Опять какія нибудь проказы!» сказалъ смѣясь Григорій Ивановичъ. Ну хорошо,

хорошо; согласенъ, дѣлай что хочешь, черноглазая моя шалунья.» Съ этимъ словомъ онъ поцаловалъ ее въ лобъ и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми въѣхала на дворъ и покатила около густозеленаго дерноваго круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльце съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ, какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣрипецъ и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь безполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англomана; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много слышался, и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ,

какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и въ слѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла старая миссъ Жаксонъ, набѣленная, затинутая, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣево пропало втунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы. . . . Лиза, сто смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой Миссъ Жаксонъ; фальшивые доконы, гораздо свѣтлѣ собственныхъ ея волосъ, ^{сдѣла}вбиты были, какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille торчали какъ фижмы у madame de Pompadour; талія была перетинута, какъ буква иксъ, и всѣ брилліанты ея матери, еще не задожешные въ Ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и унахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акуллу въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ

ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирло его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлиль и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной Англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другаго времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и только пофранцузски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху

и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и вопросамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?» спросилъ онъ Лизу. «А знаешь ли что? Бѣлилы право тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоёмъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.» Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщавшись ему подумать о его совѣтѣ, и побѣждала умиловать раздраженную миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавкою; она не смѣла просить . . . . она была увѣрена, что добрая, милая миссъ Жаксонъ проститъ ей . . . . и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрившись, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцаловала Лизу, и въ залогъ примиренія подарила ей баночку англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ роуцъ свиданій. — Ты былъ, баринъ, вечеръ у нашихъ господъ? сказала она тотчасъ Алексѣю; какова показалась тебѣ

барышня? — Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. — Жаль, возразила Лиза. — «А почему же?» спросилъ Алексѣй. — «А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ. . . . — «Что же говорятъ?» — Правда ли, говорятъ, будто бы я на барышню похожа? — «Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ.» — Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею ровняться! — Алексѣй ^{belle}божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и чтобъ усноковать ее совсѣмъ, началъ описывать ей госножу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души. — Однакожь, сказала она со вздохомъ, хоть барышня, можетъ, и смѣшина, все же я передъ нею дура безграмотная. — «И!» сказалъ Алексѣй, «есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ.» — А взаправду, сказала Лиза, не понытаться ли и въ самомъ дѣлѣ? — «Изволь, милая; начнемъ хоть сей часъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ, она и вырисовывать буквы

стала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкастерской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ; на третьемъ урокъ Акулина разбирала уже по складамъ Паталю Боярскую дочь, прерывая ^{скапливая} чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля; и между ними завелась переписка. Почтовая контора утреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя втайнѣ исправляла должность почталіона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написанныя письма, и тамъ же находилъ на сипей простой бумагѣ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала ^{сознавалъ} къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что, по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу; что въ такомъ случаѣ, Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не

жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, на примѣръ: рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкой родственникъ графу Пронскому, человѣку знатному и сильному; графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ) вѣроятно обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорили, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать, и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякой разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Но, думалъ Григорій Ивановичъ, если Алексѣй будетъ у меня всякой день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладить.

Иванъ Петровичъ менѣе беспокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку, и немного помолчавъ, сказалъ: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарской мундиръ уже тебя не прельщаетъ!» — Нѣтъ, батюшка, — отвѣчалъ почтительно Алексѣй, — я вижу, что вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться. — «Хорошо,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, «вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу жъ и я тебя неволить: не понуждаю тебя вступить . . . . тотчасъ . . . . въ статскую службу; а покажься намѣрень я тебя женить.»

— На комъ это, батюшка? — спросилъ изумленный Алексѣй.

— «На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ; «невѣста хоть куда; не правда ли?»

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю. —

— «Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.»

— Воли ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится —

— «Послѣ понравится. Стерпится, слюбится.»

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ей счастье. —

— «Не твое горе, ея счастье. Что? такъ-то ты считаешь волю родительскую? Добро!»

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь. —

— «Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣние, какъ Богъ святъ! продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покаместъ не смѣй на глаза мнѣ показаться.»

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ что себѣ въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ не вышибешь: но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ, и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первой разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее страстно влюбленъ; романическая мысль, жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами, пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ роцѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объяс-

лялъ ей о грозящей имъ погибели, и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ душло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склопитъ его на свою сторону. «Дома ли Григорій Ивановичъ?» спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. — Никакъ нѣтъ, — отвѣчалъ слуга; — Григорій Ивановичъ съ утра извоилъ выѣхать. — «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли, по-крайней-мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?» — Дома-съ. — И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею, и пошелъ безъ доклада.

«Все будетъ рѣшено,» думалъ онъ, подходя къ гостинной; «объяснюсь съ нею самою.» Онъ вошелъ . . . . и остолбенѣлъ! Лиза . . . . нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ, утреннемъ платицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была имъ занята, что не слыхала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать.

«Акулина, Акулина! . . .» Лиза старалась отъ него освободиться. . . .» *Mais laissez-moi donc, Monsieur; mais êtes-vous fou?»* повторяла она, отворачиваясь. «Акулина! другъ мой, Акулина!» повторялъ онъ, цалуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

«Ага!» сказалъ Муромскій, «да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено . . . .»

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

СМЪСЪ.

СМѢСЬ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ (Египетъ)

ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1854 году подъ названіемъ: *Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Francais*. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tout de hauts faits dont il a été temoîn, non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satire.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича.

Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на Арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если бы въ той самой книгѣ не напелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguait le General Mouravief . . . le Prince Georgien Tsitsevaze . . . le Prince Armenien Beboutof . . . le Prince Potemkine, le General Raiewsky, & enfin — M. Pouchkine . . . qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки Французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань Русскихъ журналовъ. *flattering* Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и *ridiculous* нелѣпой *rebutte* причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ *undecorating* непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ

черезъ Соганъ-Лу, движеніе, коимъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ Ссраскира отъ Османъ-Паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму, все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, на примѣръ, г. купеческій Консулъ Фонтанье, авторъ Путешествія на Востокъ): но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго Полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время среди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ Сильныхъ, дорожить ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инако отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ *все*, что мною было написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Даріальское ущелье. Переездъ чрезъ спыговья горы. Первый взглядъ на Грузію. Водопроводы. Хозревъ-Мирза. Душетскій городничій.

..... Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орель, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ***.

..... Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ: но я своротилъ на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ Курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить***.

До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случилось въ сутки проѣхать не болѣе пятидесяти верстъ. Наконецъ увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатился по зеленой равнинѣ. Въ Новочеркасскѣ нашелъ я графа П., ѣхавшаго также въ Тифлисъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ-отъ-часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на коч-

кахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

На дняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котель варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстие, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень не дурная, шла, курия табакъ. Я сѣлъ подлѣ нее. Какъ тебя зовутъ? — *** — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемь. Что ты шьешь? — портка. — Кому? — себя. Она подала мнѣ свою ^{Джаюда} трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться, и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ нибудь это заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ стеной цирцей.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они

были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это свѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую переѣзду. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, красивость . . . .

Признаюсь: Кавказкія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды, и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усыялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со

мною А. Р., прислушивался къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ . . . .

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывший нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовой трактъ прекращается. Нанимають лошадей до Владикавказа. Дается конвой козацій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человекъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскряпѣлъ обозъ двуколесныхъ аробъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль ку-

рился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скръпъ Нагайскихъ аробъ, выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скръпомъ, говоря, что они развѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятіе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы встарину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куриць и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ вѣхалъ по прелестной долинь, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огром-

ная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость : кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуесть о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между горами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашель я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два три надгробныхъ памятника стояло на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ-отъ-часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ

свои набѣги. Дружба *мирныхъ* Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружать, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наследственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками: Недавно поймали мирнаго Черкаса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ такимъ народомъ? Должно однако жъ надѣяться,

что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудить ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ *Корана*, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно взамѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ . . .

.... like a warrior taking his rest
With his martial cloak arround him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны, и какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однако жъ при моемъ приближеніи обѣ потупили головы и закрылись своими изодранными *гадрами*. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ, и бѣгаютъ изъ крѣпости.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направлениямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мѣльницъ, похожихъ на собачьи ка-

нуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *рѣкѣ, на Сѣверѣ гремящей*. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: *не останавливайтесь, В. Б., убьютъ!* Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунъ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на Генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника Француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка*, воспоминанія пированія *Иліады* :

«И въ козихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Пльнника* и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе пльнники разработывали дорогу. Они жаловались на пицу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятели Ш. по возвращеніи его изъ Парижа. «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носить то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ паралельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишеть одинъ путешественникъ, что не только видишь, но кажется чувствуешь тѣсноту. Клочокъ неба какъ лента синѣеть надъ вашей головою. Ручьи, падающіе

съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала на крутой скалѣ видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелю: сказка. Даріаль на древнемъ Персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч., (см. Путешествіе Графа И. Потоцкаго, коего ученныя изысканія столь же занимательны, какъ и Испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли *Троицкія ворота* (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха) — подъ ними шла нѣ-

когда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы чрезъ *Блшеную Балку*, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ, и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются Грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и нечище Русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузастый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую

грудю, по выраженію поэта, *подпирающую небо-склонъ*.

Ждали Персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разѣхались, конвойный офицеръ обвинилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе, но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-Ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно и проч.» Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ, и сѣхалъ на обыкновенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей *попахъ** и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой-горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужас-

* Такъ называются Персидскія шапки.

ный подвигъ : сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадяхъ, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана официальную просьбу къ Г. Ч***, начальствующему въ здѣшной сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводу.

На другой день около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное : осмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ Осетинцевъ, насилу тащили легкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ Полковникомъ Ог . . . . , осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту, и загрохотала Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро

медля и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ,» сказалъ мнѣ Г. Ог . . . . . Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груды снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году Русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой-горѣ; обвалъ оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу, и покатила въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей, и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ-руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гуть-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейя, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч. На другой день я расстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Въмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ Русскаго офицера, провождающаго Персидскаго принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому

и навьюченныхъ по-Азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полверстѣ отъ Аканура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ - Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали Горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Аканура не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе какъ десять верстѣ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстѣ стояли добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое

нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему, и потребовалъ за то съ меня *абазъ*.

Появленіе мое у Городничаго, стараго офицера изъ Грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ, во-первыхъ, комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во-вторыхъ, стакана вина, въ-третьихъ, абазъ для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія *de la liberté grande*. Къ счастью, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для Грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ, и объявилъ, что Графъ П. благополучно перепра-

вился на волахъ чрезъ снѣговія горы, и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ П. и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслию, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились чересь Куру по древнему мосту, памятнику Римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы Грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описание города. Отъездъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грильдовъ. Безобдалъ. Минеральный ключъ. Буря въ горахъ. Ночлегъ въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепримство. Карсъ. Армянская семья. Выездъ изъ Карса. Лагерь Графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя Тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишеневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными

корзинами; арбы, запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые Русскіе чиновники развѣзжали верхами на Карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый Персіанинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что-же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, сегодня вторникъ : женскій день. Ничего, не бѣда.» Конечно не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *гадрою*; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны, и оправдывали воображеніе Т. Мура :

a lovely Georgian maid,
 With all the bloom, the freshened Glow
 Of her own contry maiden's looks,
 When warm they rise from Teflis brooks.

Lalla Rookhs.

За то не знаю ничего отвратительнѣе Грузинскихъ старухъ : это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе Тифлисскихъ бань. опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе Татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, *e sempre bene*). Послѣ сего долгъ теръ онъ меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескавъ теплой водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непременно должны быть приняты въ Русской банѣ: знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ надѣялся я найти Р., но узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у Графа Паскевича позволенія приѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С., издатель Тифлисскихъ Вѣдомостей, рассказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о К. Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. С. любитъ Грузію и предвидитъ для нее блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махамеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственные способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсень Грузинскихъ пріятель: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово; она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть

какая-то восточная безмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастья! Отъ тебя, бессмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя, Весна цвѣтущая, Луна двунедѣльная, отъ тебя, Ангель мой Хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росю! избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни.

Грузинцы пьютъ — и не понашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся, но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и Карабахское стоятъ нѣкоторыхъ Бургонскихъ. Вино держать въ *маралахъ*, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно Русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него, и утонулъ въ Кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ Малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онъ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и рас-

калясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе (*Тбиликаръ*) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-Азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома Европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образоваться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С. и В., прославившіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая надвое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ Армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуюсь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ вѣльно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ

ассессорскимъ , толико вождѣленнымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлискій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генераль С., говорятъ, умеръ отъ того, что его домовый лекарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и Молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извожикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такая. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ Нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень

плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., известный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастію у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли Англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери Тифлискаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ записку отъ Р. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой-же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на козачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но подѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душень:

Ночи знойныя!

Звѣзды чудныя! . . . .

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ

воды, сперва по-Русски, а потомъ по - Татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-Русски ни по-Татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтъ отправился я далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешественниковъ Татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; надо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію, и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неопианнымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой со вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я

мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ Армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ нестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе, и на высококомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я перѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. Откуда вы? спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете? — *Грибонда*. Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печалень, и имѣлъ странныя предчувствія. Я-было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: *Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux*. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ

смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіанъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнавъ былъ только по рукъ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники челоѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности челоѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о челоѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ, и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, непревдательствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, ненапечатавшій ни одной строчки

въ Московскомъ Телеграфѣ. Впрочемъ, уваженіе наше къ славі, происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Онъ протислся съ Петербургомъ и съ праздною разсѣянностію — и уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ, и началомъ непрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горь отъ ума* произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его наряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ . . . . Не знаю ничего за виднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.....

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ Армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани? Что новаго въ Эривани? спросилъ я его. Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ; а что слышать объ Ахалцыкѣ? Въ Ахалцыкѣ чума, отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ среди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на Востокъ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ.

Урядникъ предсказывалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать, но я хотѣлъ непременно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами: я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузь и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда сѣвшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнад-

цать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другаго. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслию было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія . . . .

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росой и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видѣлъ я чужой земли. Граница имѣла для меня

что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго вель я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело вѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ Армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый *гюрекъ*, Армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили Турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущелии. Дорого бы я далъ за кусокъ Русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой Турокъ, ужасный говоруны. Онъ во всю дорогу болталъ по-Турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе, и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ Русскихъ, и привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался Русскій офицеръ. Онъ вѣхалъ изъ нашего лагеря, и объявилъ мнѣ, что армія уже высту-

пила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону; Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходъ на крупную рысь, и вечеромъ пріѣхалъ въ Турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали Караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ; не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился Турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: *вербана атъ* (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на

него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсъ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами и дождь пошелъ опять; но я объ немъ уже не заботился.

Мы вѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я Русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ Коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливня лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой Армянинъ, и переговора съ моимъ Туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъясняясь на довольно чистомъ Русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жильѣ своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцаловала

мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшей братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находился въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина, и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь Графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой Армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой Армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на Турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ Куртинскимъ

дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о Туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна, и въ топкихъ мѣстахъ вымощена — черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась — передовые холмы хребта Саган-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ; я взѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карса-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ САГАНЪ-ЛУ. ПЕРЕСТРѢЛКА. ЛАГЕРНАЯ ЖИЗНЬ. ЯЗІДЫ.
СРАЖЕНІЕ СЪ СЕРАСКІРОМЪ АРЗРУМСКИМЪ. ВЗОРВАННАЯ САКЛЯ.

Я пріѣхалъ вовремя. Въ тотъ-же день (13 Іюня) войско получило повелѣніе итти впередъ. Обѣдая у Р., слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генераль Бурцевъ отряженъ былъ вѣво по большой Арзрумской дорогѣ прямо противу Турецкаго лагеря, между тѣмъ, какъ все прочее войско должно было итти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разгова-

ривая съ Р., съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долину, гдѣ все войско имѣло приваль. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ Графу Паскевичу.

Я нашелъ Графа дома передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего В., запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

*Non fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...*

Я воротился къ Р. и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Р. послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько Татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и Мусульмане (такъ зовутся Татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись — какъ разъ картечью хватятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но Турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ Генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саган-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холодень, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

... nec Armeniis in oris,
Armice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes...

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Р. послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что Турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ никетахъ. Я поѣхалъ съ С. посмотреть новѣю для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣдень и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много ли Турковъ? спросилъ С. «Свищемъ валятъ; ваше благородіе,» отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухъ-

сотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ Турковъ. Казаки отступали медленно; Турки наѣзжали съ большою дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати, и выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней, составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою збруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались. Но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченные головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: Графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ Турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно

Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ коихъ человекъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодаго Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ-же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы Азіатскій шашлыкъ Англійскимъ пивомъ и Шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ Таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ Генерала Раевского собирались Беки Мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы Закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на Язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехъ-сотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владичество Русскаго Государя. Начальникъ ихъ высокій, уродливый мущина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ Генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ Язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы Язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая баснь; что они вѣрують въ единого Бога;

что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за Язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются; и заблужденія ихъ показали мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріателемъ. Порядокъ, съ каковымъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 Іюня утромъ услышали вновь мы перестрѣлку, и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ осмью Турецкими знаменами: Полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріателемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ Паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 Іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерь пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамаъ. Полки строились; офицеры стано-

видись у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божию. Я встрѣтилъ Генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ Генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели-Баши и закружились въ долину, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ Графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непрiятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противу центра) скакала Турецкая конница. Графъ послалъ противъ нее Генерала Раевского, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нашихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился

на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены Полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло: Турки у насъ въ глазахъ начали конать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ Графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ спросили. Около шестаго часу войска опять получили приказъ итти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами, и вскорѣ зачали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ; земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть и тогда ** уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши Татарскіе полки; конихъ лошади отличаются быстро-

тою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго Турка, лежавшимъ поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ оснадцать; блѣдное дѣвическое лице не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Р. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе Графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля, и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали; настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды; я увидѣлъ Полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился Графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщаль картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли Графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы и что

должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семь сраженій разбитъ Сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-Пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-Паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-Пашею. Смерть Татарскаго Бека. Гермафродитъ. Пашинъ Паша. Араксъ. Мостъ пастуха. Гассанъ - Кале. Горящій источникъ. Походъ къ Арзруму. Переговоры. Взятіе Арзрума. Турецкіе плѣнники. Дервишь.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ

изъ палатки, встрѣтилъ я Графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Etes-vous fatigué de la journée d'hier?» — Mais un peu, M. le Comte. — J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra poursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.»

Мы тронулись и къ восьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-Паши видѣнъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерь ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Черезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на Турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятели. Я поѣхалъ-было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся уланскій полкъ. Потомъ В. проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполнился непріятеlemъ. Я воротился. Я встрѣтилъ Генерала М. съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ

лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ Татарскихъ Бекъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣнахъ, читалъ молитвы. Умирающій Бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ, и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лощинѣ собрано было человекъ пять сотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ Турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ Турокъ, зажимая свою рану окровавленную тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть изъ человеколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило; я заступился за бѣднаго Турку и на силу привелъ его, изнеможеннаго и истекающаго кровію, къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ Полковникъ А. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ Турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашель я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще

нѣскольکو часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Р. по просьбѣ моей велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицомъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря . . . . . Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ Татаръ и у Турковъ. *Коосъ* есть Турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ Турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка Графа Паскевича стояла близъ зеленаго шатра Гаки-Паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофію и чтобъ его избавили отъ вопросовъ:

Мы стояли въ долинь. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саган-лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты. Окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале, находится мостъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынникомъ на высотѣ холма, гдѣ донынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе посѣлане стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется *Чабанъ-Кэпри* (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины Караванъ-Сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больного осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 Іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ взанятой Княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинныя переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы, явились въ нашъ лагерь Армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты

отъ Турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скоть. Полковникъ А., хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что Турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Р-у, что три тысячи Турковъ находятся въ горахъ. Р. отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе Армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню, и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Р., что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дни черезъ два. Р. приказалъ уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ, и послалъ Полковнику А. повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно, и выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ кругу, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ Армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣчанной

крѣпостью. Въ немъ находилось до ста Армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, разстилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметръ. Я переплылъ его два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силу выйти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокъ; но не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и вѣроятно безъ большаго успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Муръ; берега ея-покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъ-подъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь приятны вкусу, какъ Кавказкій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 Іюня, въ день рожденія Государя Императора, въ лагерь нашемъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебень. За обѣдомъ у Графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 Іюня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются *Акь-дагъ* (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя; бѣлая, язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наво-

диль тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшала насъ.

Вечеромъ Графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣзники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не преставая разсуждать съ Генераломъ М. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сераскирь, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи Русскихъ. Вслѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе Графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи Русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскирь и войско думали защищаться. Произшелъ мятежъ. Нѣсколько Франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ (26 утромъ) явились депутаты отъ народа и Сераскира; день прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отпразднись въ Арзрумъ, и съ ними Генераль Князь Бесковичъ, хорошо знающій Азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ восточной стороны Арзрума, на

высотѣ Топъ-дага, находилась Турецкая батарея. Полки пошли къ ней, отвѣчая на Турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Ю. На оставленной батарее нашли мы Графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы въ лощинѣ открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли Турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслось надъ головою Графа Паскевича: *Voyez les Turcs*, сказалъ онъ мнѣ, *on ne peut jamais se fier à eux*. Въ сію минуту прискакалъ на Топъ-дагъ Князь Бековичъ, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сераскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ Арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-Паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подѣхали къ Графу, прося позволенія заставить молчать Турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ; наконецъ далъ

повелѣніе, сказавъ : полно имъ дурачиться. Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 Іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера Русское знамя развилось надъ Арзрумской цитаделью.

Р. поѣхалъ въ городъ — я отправился съ нимъ; мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя : Христіанъ ! Христіанъ ! . . . Мы подѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ изумленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже развѣзжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество — лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь : Сераскиръ и четверо Пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ Пашей, сухощавый старичекъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ Генераламъ. Увидѣвъ меня во фракъ, онъ спросилъ, кто я таковъ. И далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на

грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика : «Благословенъ часъ, когда встрѣчаемъ поэта. Поэтъ братъ Дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ : и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли— и ему поклоняются.»

Восточное привѣтствіе Паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на Сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимого пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой, арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодаго человека, полунагаго, въ бараньей шапкѣ, съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой Дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АРЗРУМЪ. Азіатская роскошь. Климать. Сатирическіе стихи. СЕРАСКИРСКІЙ ДВОРЕЦЪ. ХАРЕМЪ ТУРЕЦКАГО ПАШИ. ЧУМА. СМЕРТЬ БУРЦОВА. ВЫЕЗДЪ ИЗЪ АРЗРУМА. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ. РУССКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Арзрумъ (неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во

время Феодосія Второго, и названъ Феодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были Персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто чловѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей, но, кажется, число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Арзрумъ больной можетъ умереть за невозможностію достать ложки ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы бессмысленнѣе словъ: Азіатская роскошь. Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и

кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать Азіатская бѣдность, Азіатское свинство и проч., но роскошь есть конечно принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ Арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ долинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года, земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города, но фонтановъ вездѣ множество. У cadaго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые Мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саган-лу.

Въ Арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ вѣроятно еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ Пашей отличаются большей затѣйливостію, но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ

путешественникъ пишетъ, что, изъ-всѣхъ Азіатскихъ городовъ, въ одномъ Арзрумѣ нашель онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя Султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный, восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ - Оглу.

Стамбуль Глуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змѣя спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ — и такъ оставятъ:
Стамбуль заснулъ передъ бѣдой.

Стамбуль отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбуль для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбуль отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мушкетѣ въ харемы вводятъ
И спитъ подкупленный свнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ;
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы: струею трезвой
Святыя воды насъ поить;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летать;
Харемы наши недоступны,
Евпухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ.

Я жилъ въ Сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ; Сераскирь, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него, что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, Турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго Франка за лекаря.) Это мнѣ надоѣло, я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ-же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ С.; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда нача-

тыхъ имѣ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый Паша молчаливо курилъ, посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ Генераловъ, раздавалъ Пашальки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской Паша пріѣзжалъ къ Графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія Восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами Черкесскихъ селеній, возмущившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у Графа Паскевича. Бей-булатъ, мущина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-Русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ перѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ Паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ Графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ Мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, Графъ вспомнилъ о харемѣ Османа Паши и приказалъ Г. А. съѣздить въ домъ Паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать Г. А. — Мы отправились. — Г. А. взялъ съ собою въ переводчики Русскаго офицера, коего исторія любопытна. Оснадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ Персіанамъ . . . . . онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей Шаха. Онъ рассказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніи въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ фізіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа Паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ — на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятые изъ Корана. Одна изъ нихъ показала мнѣ очень замысловата для

Мусульманскаго харема: *тебѣ подобаетъ связывать и развязывать.* Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа Паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить Графа Паскевича, — но Г. А. сказалъ наотрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа Паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва Персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, зацелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если Паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему старику и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между которыми не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но Г. А. былъ непоколебимъ. Вы боитесь своего Паши, сказалъ онъ имъ, а я своего Сераскира, и не смѣю послушаться его приказаній. — Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ были два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ ногъ до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрую. Нашъ переводчикъ

повторилъ ей вопросъ : мы слышали шамканье семидесяти-лѣтней старухи ; Г. А. прервалъ ее ; это мать Паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ ; всѣ изумились догадкѣ Глуровъ : старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой также какъ и она — изъ-подъ подкрывала раздался молодой пріятной голосокъ. Она благодарила Графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе Русскихъ. Г. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ ; я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое оконшко, и въ этомъ кругломъ оконшкѣ пять или шесть круглыхъ головъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ-было сообщить о своемъ открытіи Г. А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы ; та, которая разговаривала у двери съ Г. А., была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищицею сердець, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ Г. А. прекратилъ свои разспросы. Дверь затворилась. Лица въ оконшкѣ исчезли. Мы осмо-

трѣли садъ и домъ, и возвратились очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ : это удалось рѣдкому Европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 Іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани Арзрумскія съ Тифлисскими!

Возвращаясь во дворець, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Миѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армию. Мысль о присутствіи чумы очень неприятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся : за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однако жъ превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ Турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей Европейской робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 Юля, пришедъ проститься съ Графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что Генераль Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію . . . . Графъ подарилъ мнѣ на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятни-

комъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленные присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саган-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехъ-дневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для зпойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го Августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсень Грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчательнъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величій: оврагъ, наполненный дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были разтерзаны; огромные камни

сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество Осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелія на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я Русскіе Журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески брали меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ большимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П — на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

РАЗБОРЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО

Архієпископа Бѣлорусскаго,

изд. Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. С. П. б. 1835.

—

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ Астрономамъ» . . . и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выражений, можетъ быть, слишкомъ затѣливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ Высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, прїѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1850 года, въ своей умильной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истиннаго краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностію Двора

Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ Исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіей, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ Уніатскіе костѣлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у Русскаго Правительства; онъ доносилъ обо всемъ св. Синоду, и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистію къ нашей Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ,

вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ, и съ воплем ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутейнскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но къ счастью не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ.

Дерзость гонителей часъ-отъ-часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную Церковь, лестью и угрозами преклоняли къ Уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елисавета Петровна, передъ самой Своей кончиною, и Государь Петръ III, при Своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ Польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатерицѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда Она короновалась, и вслѣдъ за

Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей вмѣстѣ съ поздравленіями тихія сѣтованія народа, издревле намъ роднаго, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ, и когда, нѣсколько времени спустя, св. Синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе Псковскую епархію, Императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ.»

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщаль свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ «Уніатскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.» Но гордые Польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградой Русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная комиссія и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей комиссіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему Уніатскій епископъ Шептицкій, а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ.» Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазёля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены — и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвящать себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена имъ Екатерины, по совершеніи Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей:

«Для молитвы постъ есть то же, что для птицы крылья.»

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскій!*¹ Ибо нераскаянный грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ². Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ-подъ ризы Своея изринетъ насъ.

*

¹ Матѳ. 27, 22.

² Евр. 6, 6.

Душа безсмертная, отъ брэннаго тѣла, какъ птица изъ растерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтетъ древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

*

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами ангеловъ и человѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевель.

*

Вниди въ клятвѣ твою и помолися ³. Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и попеченій; и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отрясши отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вождельнія, единъ съ единымъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *сѣдите здѣ со ослятель, азъ же и дѣлтищъ*

³ Матѳ. 6, 6.

пойдемъ до онѣде, и поклонившеся, возвратимся къ вамъ ¹. Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ осгавить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесетъ. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вокругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и продаемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихоимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о сластяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣющій глаголы свои? Гдѣ сердце, долженствующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимвалъ звяцаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ странамъ носят-ся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Иосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ удѣлъ самую богатую землю, Гесемъ именуемую ². Сынъ Божій, по безмѣрной благи Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ обра-

¹ Быт. 22, 5.

² Быт. 47. 6 п.

зомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть нѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльно. Небо отверсто для насъ; престолы уготованы; объятія Божественнаго Брата нашего ждутъ насъ. Пойдемъ, полетимъ къ Нему: но прежде должны мы сбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую насъ къ землѣ.

*

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что дванадцать чловѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нищихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили.» Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончалъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посреди волковъ: предадутъ вы на сонмы, и на соборищахъ избіютъ васъ*¹. Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ сими убіен-

¹ Матѳ. 10, 16, 17.

ными послѣдовало? Цари персть ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣнно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ мученики христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшнихъ богоборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, извѣстный бояринъ, уличенный въ безбожіи, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.

*

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей переменѣны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и вспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно то же сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плователи обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и онъ беззаконникъ нѣчто промолвилъ; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожалуй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами, и потому еще между отчаяніемъ и надеждою находимся; а какъ услышитъ твою святую

«молитву, такъ мы и погубимъ.» Достояна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнитъ и не знаетъ того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы моя внуши, Господи, разумый званіе мое*¹; а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва перемѣнитъ ли насъ, окаянныхъ и грѣшныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшнѣйшими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденіемъ; по мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умаляется въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобіемъ. Возьми небольшой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ извѣстную поговорку: «приложи копѣйку, то купишь калачъ.» Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изо-

¹ Псал. 5, 2.

браженіе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь вѣры и упованіи на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.

*

Чужій грѣхъ на мнѣ лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говоритъ Самъ Спаситель, имъ же соблазнъ приходитъ ¹. Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій,

¹ Матѳ. 18, 7.

уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и притомъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посылають, вслѣдъ за мною, безчисленные беззаконія, отъ единого примѣра моего, яко отъ единого блага, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенъ грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры!»

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣють мало достоинства, хотя въ нихъ и видѣнь духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;

А намъ вѣстники смерти — сѣдые власы.

О! смертный, безпечный, посмотри въ зеркало:

Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.

Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?

Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному Богу?

Путь смертный безвѣстенъ, и полонъ разбоя:

Искуснаго, храбраго требуетъ конвоя.

Кто жъ тебя поведетъ, и за тебя сразится?

Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ возвратится.

Изнеможешь, пѣшій, таща грѣховъ пошу!

Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хорошу,
Подмогу, какал дана Сикеоту :

Но — та дана слезамъ, кровавому поту.
А ты много ли плакалъ за грѣхи? Считайся.
Не весь ли вѣкъ твой есть цѣпь грѣховъ? Признайся.
Ахъ! вижу, ты нагъ, какъ родила мать :

Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!
Повѣрь же, не увидешь въ небесны чертоги :
Въ адъ тебя низринуть, связавъ руки, ноги.
Безъ масла дѣль благихъ гаснетъ свѣча Вѣры ;
Затворятся брачныя буимъ дѣвамъ двери ;
Можетъ быть, при смерти, «помани мя» скажешь,
И тѣмъ уста свои навсегда завяжешь.

И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,
Плодъ добрыхъ дѣлъ тебѣ принести остается.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ : *Исторія Малороссіи* извѣстна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлюю государственною. Когда Императрица Екатерина учредила комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда депутатъ Малороссійскаго шляхетства Андрей Григорьевичъ Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важ-

ный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *критики* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій нечуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изуверству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его рассказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конискій происходилъ отъ

стариннаго шляхетскаго роду, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ Исторіи Малороссіи суть картины, начертанныя кистию великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введеніе Уніи.

«По истребленіи гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ сейма національнаго и всего рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопями, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными

штатами; города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою, и что только замыслить можетъ своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ обращали на Унію. Духовенство Римское, развѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи для надзора и понужденія къ Уніятству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислуги сему духовенству выбираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и получена за

всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жидаы, яко непримиримые враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и притча въ челоуѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тотчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ христіанской повиненъ ктиторъ итти къ жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправки, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и прехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ записъ не отказано.

Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могли перенести лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами закупало знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задружило съ ними,

и мало-по-малу согласилось первѣе на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ католичество Римское. Въ послѣдствіи, сіе шляхетство, соединяясь съ Польскимъ шляхетствомъ свойствомъ, сродствомъ и другими обязанностями, отrekлось и отъ самой породы Русской, и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои, пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесь между ними видны фамиліи совсѣмъ Русскаго названія, каковыхъ у Поляковъ не бывало, и въ ихъ нарѣчій быть не могло, напримѣръ : Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичъ, Сокирка, Комаръ, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплина названія Чаплинскій, съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняли и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, и подражая имъ, гнали презлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ : въ семъ они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю

войну немалую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всякое въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великія ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающееся безъ пастырей и вождей. Самые курени казацкіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскимъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили извѣстныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жителямъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ, такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ, въ отечествѣ гонимыхъ; а напротивъ того, знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видимая сдѣлалась перемѣна.

Казнь Острианицы.

«На мѣсто замученнаго Павлюги, выбранъ въ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Сте-

фанъ Острица, а къ нему приданъ въ Совѣтники изъ стараго и заслуженнаго товариства Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ Лянцкоронскій съ войсками своими Польскими не преставаля нападать на города и селенія Малороссійскіе и на войска, ихъ защищавшія, и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ, контрибуціями, убійствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насиліями. Гетману Острицѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянныя и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпионами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Приднѣпрскіе города, на обоихъ берегахъ сего рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надъ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безопасности, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіеся истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они,

сбравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Лянцкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Острица тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надъ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имѣя всегда въ памяти недавно видѣнныя ими на позорищѣ въ городахъ отрубленныя головы ихъ собратій, злобились на Лянцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и наконецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломясь въ нихъ, ударили на конья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крикъ и стонъ народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли

задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Лянцкоронскій, съ лучшею немногою конницею, завременно бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвецами, достался казакамъ съ превеликою добычею, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запахахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвши руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ челоуѣчеству, погребли тѣла убіенныхъ и сочли Польскихъ мертвецовъ 11,517, а своихъ 4727 челоуѣкъ, и въ томъ числѣ Совѣтника Гуню. Управившись съ похоронами и корыстями, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагося въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Острианицу и его войска, чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ

съ обѣихъ сторонъ клятвахъ, собрались въ церковь высланные отъ обоихъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактатъ вѣчнаго мира и полной амнистіи, предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій казацкихъ и общенародныхъ. Засимъ разошлись войска во-свои.

Гетманъ Острица, разославъ свои войска, иныя по городамъ въ гарнизоны, а другіе въ ихъ жилища, самъ, и со Старшинами Генеральными и со многими Полковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки, отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою, въ Полонномъ заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть, въ одномъ вѣроломствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія, опредѣляло храненіе клятвъ между одними только католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отметало, яко схизматицкія и суду Божию неподлежащія. По симъ страннымъ правиламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ,

свѣдавши Поляки чрезъ шпионовъ своихъ, жидовъ, о поѣздкѣ Гетмана Острианицы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили многолюдною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневского, который стоялъ внѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они, перевязавъ весь штатъ гетманскій и самаго Гетмана, всего тридцать семь человекъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили допослѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближаясь къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ триумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтнихъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь

умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ представительствомъ дѣтей ихъ за своихъ отцевъ. Но они симъ пицу только кровожаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по нѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повлечены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣритъ сему событію, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придетъ въ голову ея изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устало бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывала процессія Римская со множествомъ ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистцу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Острица, Обозный Генеральный Сурмила и Полковники Недригайло, Боюнъ и Риндичъ были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники Гайда-

ревскій, Бутримъ, Запалѣй и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковые: Постыличъ, Гарунъ, Суत्याга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и Сотники: Чуприна, Охоловичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ пробиты гвоздями стоячіе къ доскамъ, облитыи смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могиланскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментай, Дунаевскій, Скубрѣй, Глинскій, Завезунъ, Косыръ, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ оныхъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли... оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъ-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Развѣзавшія притомъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малорос-

сіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ лютоги надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ лютейшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на платье Жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкому хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніятскихъ, то у Жидовъ, ихъ едино-

мысленниковъ, а своихъ непримиримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться.»

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригаль приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступной для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго Архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris 1836).

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де Броссомъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоценной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради или записки къ портному объ отерочкѣ платежа. Намъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначащія слова, тѣмъ же самымъ почеркомъ и, можетъ быть, тѣмъ же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупке земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую васъ смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчимъ всю заманчивость остроумнаго памфлета.

Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями*, но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740, и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: «L'Italie il y a cent ans.» Въ этихъ дружескихъ письмахъ де Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда неотягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой мѣщанской республики не слишкомъ

* Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VIII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches, и проч.

его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякой случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безопаснаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ.

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой зсмли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украсу землю, весь скоть, всѣ земледѣльческія орудія, коими снаб жу хозяйство

будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ, и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка: дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную *les Délices*; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стоить вдвое противу прежней цѣны: то же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ея съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это втайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де Броссъ не замедлил своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу *, то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома, во-вторыхъ, потому что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію . . . . . Я бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, если бъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностію: это просто *ветшь*. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталъ имѣлъ для васъ то же намѣреніе. — Приступимъ къ дѣлу.»

Тутъ де Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчить, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это под-

* Вольтеръ въ 1755 году купилъ *les Délices sur St. Jean*, близъ самой Женевы.

стрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ 15 Декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленные деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де Бросса, какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble!» — вос-

клицаетъ онъ въ бѣшенствѣ — «il ne s'agit pas de le rendre ridicule : il s'agit de le deshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ . . . . а все дѣло въ двухъ стахъ франкахъ. Де Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, не краснѣть опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо, желаніемъ Ювенала :

Mens sana in corpore sano.

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, г. Рюфе, старается усовестить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де Броссомъ) : «Вы боитесь быть обманутымъ» — говорить г. Рюфе, — «но изъ двухъ ролей это лучшая . . . Вы не имѣли никогда тяжebъ : онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ . . . Помните устрицу Лафонтена и пятую сцену втораго дѣйствія въ *Скапиновыхъ Обманахъ* *. Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься . . . . »

* Сцену, въ которой Леандръ заставляетъ Скапина на коѣняхъ признаваться во всѣхъ своихъ науткахъ.

Вольтеръ первый утомился, и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента, и былъ причиною тому, что де Броссъ не попалъ въ Академію (что въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатю годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая бібліотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть» — пишетъ издатель въ своемъ предисловіи, — «какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридерика II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (*которыя всѣ въ брилліантахъ*); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской Республики. — Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. *Габель* (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей про-

винци. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его ворочаетъ; онъ искренно тревожится обо всемъ, съ этой раздражительностию страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то прищѣпки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Коласа.»

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розы.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
 Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
 Doux asile où je suis mon maître!
 Je renonce aux lauriers si vains,
 Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
 Je me suis trop piqué les mains
 Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ *tososo* нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжины длинныхъ Французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется

исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера — напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его — несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе — площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де Броссомъ представляетъ намъ творца Меробы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность — все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его, и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство раждается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ г. де ла Туша, бывшаго Французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридриха II (въ 1752 г.).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ *Свернымъ Соломономъ**, своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ Берлинской Академіи, поссорился съ профессоромъ Кёнигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: *Письмо къ Публикѣ*. Въ

* Такъ называлъ Вольтеръ Фридриха II въ хвалебныхъ своихъ посланіяхъ.

немъ осуждали Кёнига и задѣвали Вольтера. Вольтерь возразилъ, и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ Нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скиптра и Прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтерь только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ Короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрять» — писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржантало — «но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однако жъ не могъ удержаться, чтобъ еще разъ не задѣтъ своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (*la Diatribe du dr. Akakia*) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого Короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтерь уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ Прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ, и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридерика, напечатанныя

для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора. —

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственного достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужаго, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить? . . .

Къ чести Фридерика II скажемъ, что самъ отъ себя Король, вопреки природной своей насмѣш-

ливости, не сталъ бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ бы на перваго изъ Французскихъ поэтовъ шутовскаго кафтана, не предалъ бы его на посмѣяніе свѣта, если бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридрику каммергерскій ключъ и Прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что Король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль переиѣнена: Фридрикъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ . . . .

Что изъ этого заключить? Что геній имѣлъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалитъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ челоуѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе однѣ могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

Съ нѣкотораго времени Сѣверо-Американскіе Штаты обращаютъ на себя въ Европѣ вниманіе людей наиболѣе мыслящихъ. Не политическія происшествія тому виною: Америка спокойно совершаетъ свое поприще, донынѣ безопасная и цвѣтущая, сильная миромъ, упроченнымъ ей географическимъ ея положеніемъ, гордая своими учрежденіями. Но нѣсколько глубокихъ умовъ въ недавнее время занялись изслѣдованіемъ нравовъ и постановленій Американскихъ, и ихъ наблюденія возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже рѣшенными. Уваженіе къ сему новому народу и къ его уложенію, плоду повѣйшаго просвѣщенія, сильно поколебалось. Съ изумленіемъ увидѣли демократію въ ея отвратительномъ цинизмѣ, въ ея жестокихъ предразсудкахъ, въ ея нестерпимомъ тиранствѣ. Все благородное, безкорыстное, все возвышающее душу человѣческую, подавленное

неумолимымъ эгоизмомъ и страстію къ довольству (comfort); большинство, нагло притѣсняющее общество; рабство Негровъ среди образованности и свободы; родословныя гоненія въ народѣ, не имѣющемъ дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющихъ робость и подобострастіе; талантъ, изъ уваженія къ равенству, принужденный къ добровольному остракизму; богачь, надѣвающій оборванный кафтанъ, дабы на улицѣ не оскорбить надменной нищеты, имъ втайнѣ презираемой: такова картина Американскихъ Штатовъ, недавно выставленная передъ нами.

Отношенія Штатовъ къ Индѣйскимъ племенамъ, древнимъ владѣльцамъ земли, нынѣ заселенной Европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новыхъ наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и безчеловѣчіе Американскаго Конгресса осуждены съ негодованіемъ; такъ или иначе, чрезъ мечъ и огонь, или отъ рома и ябеды, или средствами болѣе правственными, но дикость должна исчезнуть при приближеніи цивилизаци. Таковъ неизбѣжный законъ. Остатки древнихъ обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространныя степи, необозримыя рѣки, на которыхъ сѣтьми и стрѣлами добывали они себѣ пищу, обратятся въ обработанныя поля, усѣ-

линыя деревнями, и въ торговыя гавани, гдѣ задымятся пироскафы, и разовѣтся флагъ Американскій.

Нравы Сѣверо-Американскихъ дикарей знакомы намъ по описанію знаменитыхъ романистовъ. Но Шатобрианъ и Куперъ оба представили намъ Индѣйцевъ съ ихъ поэтической стороны, и закрасили истину красками своего воображенія. «Дикари, выставленные въ романахъ» — пишетъ Вашингтонъ Ирвингъ — «также похожи на настоящихъ дикарей, какъ идиллическіе пастухи на пастуховъ обыкновенныхъ.» Это самое подозрѣвали и читатели; и недовѣрчивость къ словамъ заманчивыхъ повѣствователей уменьшала удовольствіе, доставляемое ихъ блестящими произведеніями.

Въ Нью-Йоркѣ недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшаго тридцать лѣтъ въ пустыняхъ Сѣверной Америки, между дикими ея обитателями. Эти «Записки» драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ самый полный, и вѣроятно послѣдній, документъ бытія народа, коего скоро не останется и слѣдовъ. Лѣтописи племенъ безграмотныхъ, онѣ разливаютъ истинный свѣтъ на то, что нѣкоторые философы называютъ естественнымъ состояніемъ человѣка; показанія простодушныя и безстрастныя, они наконецъ будутъ свидѣтельствовать передъ свѣтомъ о средствахъ, ко-

торыя Американскіе Штаты употребляли въ XIX столѣтіи къ распространенію своего владычества и христіанской цивилизаціи. Достоверность сихъ «Записокъ» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Джонъ Теннеръ еще живъ; многія особы (между прочими Токвиль, авторъ славной книги: «De la démocratie en Amérique») видѣли его, и купили отъ него самого его книгу. По ихъ мнѣнію, подлога тутъ быть не можетъ. Да и стоитъ прочитатъ нѣсколько страницъ, чтобы въ томъ удостовѣриться: отсутствіе всякаго искусства и смиренная простота повѣствованія ручаются за истину.

Отецъ Джона Теннера, выходецъ изъ Виргиніи, былъ священникомъ. По смерти жены своей, онъ поселился въ одномъ мѣстѣ, называемомъ Элькъ-Горнъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Цинциннати.

Элькъ-Горнъ былъ подверженъ нападеніямъ Индѣйцевъ. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь съ своими сосѣдями, приблизился къ стану Индѣйцевъ, и застрѣлилъ одного изъ нихъ. Прочіе бросились въ рѣку и утѣли....

Отецъ Теннера, отправляясь однажды утромъ въ дальнее селеніе, приказалъ своимъ обѣимъ дочерямъ отослать маленькаго Джона въ школу. Онѣ вспомнили о томъ уже послѣ обѣда. Но шелъ дождь, и Джонъ остался дома. Вечеромъ отецъ

возвратился, и узнавъ, что онъ въ школу не ходилъ, послалъ его самого за тростникомъ, и больно его высѣкъ. Съ той поры отеческій домъ опустылилъ маленькому Теннеру; онъ часто думалъ и говаривалъ: «Мнѣ бы хотѣлось уйти къ дикимъ!»

«Отецъ мой» — пишетъ Теннеръ — «оставилъ Элькъ-Горнь, и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое поселеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что лошади его беспокоятся, чуя близость Индѣйцевъ, которые вѣроятно рыщутъ по лѣсу. «Джонъ» — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «ты сегодня сиди дома.» Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ.

«Насъ осталось дома четверо дѣтей. Мачиха, чтобъ вѣрнѣе меня удержать, поручила мнѣ смотрѣть за младшимъ, которому не было еще году. Я скоро соскучился, и сталъ щипать его, чтобъ заставить кричать. Мачиха велѣла мнѣ взять его на руки и съ нимъ гулять по комнатамъ. Я послушался, но не пересталъ его щипать. Наконецъ

она стала его кормить грудью; а я побѣжалъ проворно на дворъ и ускользнулъ въ калитку, оттуда въ поле. Не въ далекомъ разстояннн отъ дома, и близь самаго поля, стояло орѣховое дерево, подъ которымъ бѣгалъ я собирать прошлогодннн орѣхи. Я осторожно до него добрался, чтобъ не быть замѣчену ни отцемъ, ни его работниками.... Какъ теперь вижу отца моего, стоящаго съ ружьемъ на стражѣ посреди поля. Я спрятался за дерево и думалъ про себя: «Мнѣ бы очень хотѣлось увидѣть Индѣйцевъ!»

«Ужъ моя соломенная шляпа была почти полна орѣхами, какъ вдругъ услышалъ я шорохъ. Я оглянулся — Индѣйцы! Старикъ и молодой человѣкъ схватили меня и потащили. Одинъ изъ нихъ выбросилъ изъ моей шляпы орѣхи и надѣлъ мнѣ ее на голову. Послѣ того ничего не помню. Вѣроятно я упалъ въ обморокъ, потому что не закричалъ. Наконецъ я очнулся подъ высокимъ деревомъ. Старика не было. Я находился между молодымъ человѣкомъ и другимъ Индѣйцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣроятно я его чѣмъ нибудь да разсердилъ, потому что онъ потащилъ меня въ сторону, схватилъ свой *томагаукъ* (дубину) и знаками велѣлъ мнѣ глядѣть вверху. Я понялъ, что онъ мнѣ приказывалъ въ послѣдннн разъ взглянуть на небо, потому что готовился меня

убить. Я повиновался; но молодой Индѣецъ, похитившій меня, удержалъ ударъ, взнесенный надъ моею головою. Оба заспорили съ живостію. Покровитель мой закричалъ. Нѣсколько голосовъ ему отвѣчало. Старикъ и четыре другіе Индѣйца прибѣжали поспѣшно. Старый начальникъ, казалось, строго говорилъ тому, кто угрожалъ мнѣ смертію. Потомъ онъ и молодой человекъ взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тѣмъ ужасный Индѣецъ шелъ за нами. Я замедлялъ ихъ отступленіе, и замѣтно было, что они боялись быть настигнуты.

«Въ разстояніи одной мили отъ нашего дома у берега рѣки, въ кустахъ, спрятанъ былъ ими челнокъ изъ древесной коры. Они сѣли въ него всѣ семеро, взяли меня съ собою, и переправились на другой берегъ, у самаго устья Бигъ-Міами. Челнокъ остановили. Въ лѣсу спрятаны были одѣяла (кожанья) и запасы; они предложили мнѣ дичины и медвѣжьего жиру. Но я не могъ ѣсть. Нашъ домъ отселъ былъ еще видѣнъ; они смотрѣли на него, и потомъ обращались ко мнѣ со смѣхомъ. Не знаю, что они говорили.

«Отобѣдавъ, они пошли вверхъ по берегу, таща меня съ собою по прежнему, и сняли съ меня башмаки, полагая, что они мѣшали бѣжать. Я не терялъ еще надежды отъ нихъ избавиться, не

смотря на надзоръ, и замѣчалъ всѣ предметы, дабы по нимъ направить свой обратный побѣгъ; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить слѣды. Я надѣялся убѣжать во время ихъ сна. Настала ночь; старикъ и молодой Индѣецъ легли со мною подъ одно одѣяло и крѣпко прижали меня. Я такъ усталъ, что тотчасъ заснулъ. На другой день я проснулся на зарѣ. Индѣйцы уже встали и готовы были въ путь. Такимъ образомъ шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надѣялся убѣжать; но при наступленіи ночи, сонъ каждый разъ мною овладѣвалъ совершенно. Ноги мои распухли, и были всѣ въ ранахъ и въ занозахъ. Старикъ мнѣ помогъ кое-какъ, и далъ пару *мокасиновъ* (родъ кожаныхъ лаптей), которые облегчили меня немного.

«Я шелъ обыкновенно между старикомъ и молодымъ Индѣйцемъ. Часто заставляли они меня бѣгать до упаду. Нѣсколько дней я почти ничего не ѣлъ. Мы встрѣтили широкую рѣку, впадающую (думаю) въ Міами. Она было такъ глубока, что мнѣ нельзя была ее перейти. Старикъ взялъ меня къ себѣ на плечи, и перенесъ на другой берегъ. Вода доходила ему подъ мышки; я увидѣлъ, что одному мнѣ перейти эту рѣку было невозможно, и потерялъ всю надежду на скорое изба-

влєніе. Я проворно вскарабкался на берегъ, сталъ бѣгать по лѣсу, и спугнулъ съ гнѣзда дикую птицу. Гнѣздо полно было яицъ; я взялъ ихъ въ платокъ и воротился къ рѣкѣ. Индѣйцы стали смѣяться, увидѣвъ меня съ моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца въ маленькомъ котлѣ. Я былъ очень голоденъ, и жадно смотрѣлъ на эти приготовленія. Вдругъ прибѣжалъ старикъ, схватилъ котелъ и вылилъ воду на огонь вмѣстѣ съ яйцами. Онъ наскоро что-то шепнулъ молодому человѣку. Индѣйцы поспѣшно подобрали яйца и разсѣялись по лѣсамъ. Двое изъ нихъ умчали меня со всевозможною быстротою. Я думалъ, что за нами гнались, и впоследствии узналъ, что не ошибся. Вѣроятно, меня искали на томъ берегу рѣки.....

«Два или три дня послѣ того, встрѣтили мы отрядъ Индѣйцевъ, состоявшій изъ двадцати или тридцати человѣкъ. Они шли въ Европейскія селенія. Старикъ долго съ ними разговаривалъ. Узнавъ (какъ послѣ мнѣ сказали), что бѣлые люди за нами гнались, они пошли имъ навстрѣчу. Произошло жаркое сраженіе, и съ обѣихъ сторонъ легло много мертвыхъ.

«Походъ нашъ сквозь лѣса былъ труденъ и кученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индѣйцы разсыпались по лѣсу, и

стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и спили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки, и вышли на берегъ у большой Индѣйской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Жители выбѣжали къ намъ навстрѣчу. Молодая женщина съ крикомъ кинулась на меня и била по головѣ. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Повидимому, я часто бывалъ предметомъ разговоровъ, но не понималъ ихъ языка. Старикъ зналъ нѣсколько Англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ.

«Мы отправились далѣе. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Индѣйской деревни находилась Американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они хотѣли меня выкупить; но старикъ на то не согласился. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто сына, умершаго недавно; общлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать — въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому

родительскаго. Купцы утѣшили меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.»

Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша, и побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своему маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-огезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То есть, она требовала молодаго невольника, съ тѣмъ, чтобъ его усыновить. Старый Монито-огезикъ съ сыномъ своимъ Кишь-кау-ко и съ двумя единопленниками, жителями Гуронскаго озера, тотчасъ отправились въ путь, чтобъ только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Оіо. Наканунѣ похищенія, Индѣйцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома. Молодые люди съ нетерпѣніемъ ожидали появленія ребенка, и нѣсколько разъ готовы были выстрѣлить по работникамъ. Старикъ насилу могъ ихъ удержать.

Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря.

Была весна. Индѣйцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Выбравъ себѣ удобное мѣсто, они стали ограждать его заборомъ изъ зеленыхъ вѣтвей и молодыхъ деревъ, изъ-за которыхъ должны были стрѣлять. Джону поручили обламывать сухія вѣточки и обрывать листья съ той стороны, гдѣ скрывались охотники. Маленькій плѣнникъ, утомленный зндемъ и трудомъ, всегда голодный и грустный, лѣнливо исполнялъ свою должность. Старый Монито-о-гезикъ, заставъ однажды его спящимъ, ударилъ мальчика по головѣ своимъ *томагаукомъ* и бросилъ за-мертво въ кусты. Возвратясь въ таборъ, старикъ сказалъ женѣ своей: «Старуха! мальчикъ, котораго я тебѣ привелъ, ни къ чему негоденъ; я его убилъ. Ты найдешь его тамъ-то.» Старуха съ дочерью прибѣжали, нашли Теннера еще живаго, и привели его въ чувства.

Жизнь маленькаго приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверхъ силъ; старикъ и сыновья его били бѣднаго мальчика по-минутно. Ёсть ему почти ничего не давали; ночью

онъ спалъ обыкновенно между дверью и очагомъ, и всякій, входя и выходя, непременно давалъ ему ногою толчекъ. Старикъ возненавидѣлъ его, и обходился съ нимъ съ удивительной жестоко-стію. Теннеръ никогда не могъ забыть слѣдую-щаго происшествія.

Однажды Монито-о-гезикъ, вышедъ изъ своей хижины, вдругъ возвратился, схватилъ мальчика за волосы, потащилъ за дверь, и уткнулъ *какъ кошку* лицомъ въ навозную кучу. «Подобно всѣмъ Индѣйцамъ» — говоритъ Американскій издатель его Записокъ — «Теннеръ имѣетъ привычку скрывать свои ощущенія. Но когда рассказывалъ онъ мнѣ сіе приключеніе, блескъ его взгляда и судорож-ный трепетъ верхней губы доказывали, что жа-жда мщенія — отличительное свойство людей, съ которыми провелъ онъ свою жизнь — не была чужда и ему. Тридцать лѣтъ спустя, желалъ онъ еще омыть обиду, претерпѣнную имъ на двѣнад-цатомъ году!»

Зимою начались военныя приготовленія. Мо-нитто-о-гезикъ, отправляясь въ походъ, сказалъ Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьевъ и всѣхъ родственниковъ».... Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился, и показалъ Джону бѣлую, ста-рую шляпу, которую онъ тотчасъ узналъ: она принадлежала брату его. Старикъ увѣрилъ его,

что сдержалъ свое слово, и что никто изъ его родныхъ уже болѣе не существуетъ.

Время шло, и Джонъ Теннеръ началъ привыкать къ судьбѣ своей. Хотя Монито-о-гезикъ все обходились съ нимъ сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчить его участь.— Черезъ два года произошла важная перемѣна. Начальница племени Отавуавовъ, Нетъ-но-куа, родственница стараго Индѣйца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтобъ замѣнить себѣ потерю сына. Джонъ Теннеръ былъ вымѣненъ на боченокъ водки и на нѣсколько фунтовъ табаку.

Вторично усыновленный Теннеръ нашелъ въ новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Онъ искренно къ ней привязался; вскорѣ отвыкъ отъ привычекъ своей дѣтской образованности и сдѣлался совершеннымъ Индѣйцемъ,— и теперь, когда судьба привела его снова въ общество, отъ коего былъ онъ отторгнутъ въ младенствѣ, Джонъ Теннеръ сохранилъ видъ, характеръ и предрасудки дикарей, его усыновившихъ.

«Записки» Теннера представляютъ живую и грустную картину. Въ нихъ есть какое-то однообразіе, какая-то сонная безсвязность и отсутствіе мысли, дающія нѣкоторое понятіе о жизни Американскихъ дикарей. Это длинная повѣсть о застрѣленныхъ звѣряхъ, о мятеляхъ, о голодныхъ,

дальнихъ шествіяхъ, объ охотникахъ, замерзшихъ на пути, о скотскихъ оргіяхъ, о ссорахъ, о враждѣ, о жизни бѣдной и трудной, о нуждахъ, непонятныхъ для чадъ образованности.

Американскіе дикари всѣ вообще звѣроловы. Цивилизація Европейская, вытѣснивъ ихъ изъ насѣдственныхъ пустынь, подарила имъ порохъ и свинець: тѣмъ и ограничилось ея благодѣтельное вліяніе. Искусный стрѣлокъ почитается между ими за великаго человѣка. Теннеръ рассказываетъ первый свой опытъ на поприщѣ, на которомъ потомъ прославился.

«Я отроду еще не стрѣлялъ. Мать моя (Нетъ-но-куа) только что купила боченокъ пороху. Ободренный ея снисходительностію, я попросилъ у ней пистолеть, чтобъ итти въ лѣсъ стрѣлять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебѣ быть охотникомъ.» Мнѣ дали заряженный пистолеть, и сказали, что если удастся застрѣлить птицу, то дадутъ ружье и стануть учить охотѣ.

«Съ того времени я возмужалъ, и нѣсколько разъ находился въ затруднительномъ положеніи; но никогда жажда успѣха не была во мнѣ столь пламенна. Едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей въ близкомъ разстояніи. Я взвелъ курокъ и поднялъ пистолеть почти къ самому носу; прицѣлился и выстрѣлилъ. Въ то же время

мнѣ послышалось жужжаніе, подобное свисту брошеннаго камня; пистолеть полетѣлъ черезъ мою голову, а голубь лежалъ подъ деревомъ, на котомъ сидѣлъ.

«Не заботясь о моемъ израненномъ лицѣ, я побѣжалъ въ таборъ съ застрѣленнымъ голубемъ. Раны мои осмотрѣли; мнѣ дали ружье, порохъ и дробь, и позволили стрѣлять по птицамъ. Съ той поры стали со мною обходиться съ уваженіемъ.»

Вскорѣ послѣ того молодой охотникъ отличился новымъ подвигомъ.

«Дичь становилась рѣдка; толпа наша (отрядъ охотниковъ съ женами и дѣтьми) голодала. Предводитель нашъ совѣтовалъ перенести таборъ на другое мѣсто. Наканунѣ назначеннаго дня для походу, мать моя долго говорила о нашихъ неудачахъ и объ ужасной скудости, насъ постигшей. Я легъ спать; но ея пѣсни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утромъ, она разбудила насъ; велѣла обуваться и быть готовымъ въ походъ. Потомъ призвала своего сына, Уа-ме-гонъ-е-бью, и сказала ему: «Сынъ мой, въ нынѣшнюю ночь я молилась Великому Духу. Онъ явился мнѣ въ образѣ человѣческомъ, и сказалъ: Нетъ-но-куа! завтра будетъ вамъ медвѣдь для обѣда. Вы встрѣтите на пути нашемъ (по такому-то направленію)

круглую долину, и на долину тропинку: медвѣдь находится на той тропинкѣ.»

«Но молодой человекъ, не всегда уважавшій слова своей матери, вышелъ изъ хижины и разсказалъ сонъ ей другимъ Индѣйцамъ. «Старуха увѣряетъ» — сказалъ онъ смѣясь — «что мы сегодня будемъ ѣсть медвѣдя; но не знаю, кто-то его убьетъ.» — Нетъ-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить идти на медвѣдя.

«Мы пошли въ походъ. Мужчины шли впередъ и несли наши пожитки. Пришедъ на мѣсто, они отправились на ловлю, а дѣти остались стеречь поклажу до прибытія женщинъ. Я былъ тутъ же; ружье было при мнѣ. Я все думалъ о томъ, что говорила старуха, и рѣшился идти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядилъ ружье пулею, и, не говоря никому ни слова, воротился назадъ.

«Я прибылъ къ одному мѣсту, гдѣ вѣроятно нѣкогда находился прудъ, и увидѣлъ круглое, малое пространство посреди лѣса. Вотъ, — подумалъ я, — долина, назначенная старухою. Вскорѣ нашелъ родъ тропинки, вѣроятно русло изсохшаго ручейка. Все покрыто было глубокимъ снѣгомъ.

«Мать сказывала также, что во снѣ видѣла она дымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился медвѣдь. Я былъ увѣренъ, что нашелъ долину, ея описанную, и долго ждалъ появленія дыма. Однако жъ дымъ

не показывался. Наскуча напраснымъ ожиданіемъ, сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ тамъ, гдѣ, казалось, шла тропинка, и вдругъ увязъ по поясъ въ снѣгу.

«Выкарабкавшись проворно, прошелъ я еще нѣсколько шаговъ, какъ вспомнилъ вдругъ рассказы Индѣйцевъ о медвѣдяхъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мѣсто, куда я провалился, была медвѣжья берлога. Я воротился, и во глубинѣ впадины увидѣлъ голову медвѣдя; приставилъ ему дуло ружья между глазами, и выстрѣлилъ. Коль скоро дымъ разошелся, я взялъ палку и нѣсколько разъ воткнулъ ея конецъ въ глаза и рану; потомъ, удостовѣрившись, что медвѣдь убитъ, сталъ его тащить изъ берлоги, но не смогъ, и возвратился въ таборъ по своимъ слѣдамъ.

«Вошелъ въ шалашъ моей матери. Старуха сказала мнѣ: «Сынь мой, вынь изъ котла кусокъ боброваго мяса, которое мнѣ дали сегодня; да оставь половину брату, который съ охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ѣлъ» . . . Я съѣлъ свой кусокъ, и видя, что старуха одна, подошелъ къ ней, и сказалъ ей на ухо: «Мать! я убилъ медвѣдя!»—Точно ли онъ убитъ?—«Точно».— Она нѣсколько времени глядѣла на меня неподвижно; потомъ обняла меня съ нѣжностію и долго ласкала. Пошли за убитымъ медвѣдемъ; и какъ это былъ еще первый, то, по обычаю Индѣйцевъ,

его изжарили цѣльнаго, и всѣ охотники приглашены были съѣсть его вмѣстѣ съ нами.»

Описаніе различныхъ охотъ и приключеній во время преслѣдованія звѣрей занимаетъ много мѣста въ «Запискахъ» Джона Теннера. Исторіи объ однихъ убитыхъ медвѣдяхъ составляютъ цѣлый романъ. То, что онъ говоритъ о *музѣ*, Американскомъ оленѣ (*segius alces*), достойно изслѣдованія натуралистовъ.

«Индѣйцы увѣрены, что муза между прочимъ одаренъ способностію долго оставаться подъ водою. Двое изъ моихъ знакомыхъ, люди неживые, возвратились однажды вечеромъ съ охоты, и рассказали намъ, что молодой музъ, загнанный ими въ маленькій прудъ, нырнулъ въ средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табакъ; во все время не видали они ни малѣйшаго движенія воды, ни другой какой либо примѣты скрывающагося муза, и потерявъ надежду на успѣхъ, наконецъ возвратились.

«Нѣсколько минутъ по ихъ прибытіи, явился одинокій охотникъ съ свѣжею добычею. Онъ рассказалъ, что звѣриный слѣдъ привелъ его къ берегамъ пруда, гдѣ нашелъ онъ слѣды двухъ чловѣкъ, повидимому, прибывшихъ туда съ музомъ почти въ одно время. Онъ заключилъ, что музъ былъ ими убитъ; сѣлъ на берегъ, и вскорѣ уви-

дѣлъ муза, приставшаго тихо надъ неглубокою водою, и застрѣлилъ его въ пруду.

«Индѣйцы полагаютъ, что музъ животное самое осторожное, и что достать его весьма трудно. Онъ бдительнѣе нежели дикій буйволъ (bison, bos americanus) и Канадскій олень (caribon), и имѣетъ болѣе острое чутье. Онъ быстрѣе лося, осторожнѣе и хитрѣе дикой козы (Gantilope). Въ самую страшную бурю, когда вѣтеръ и громъ сливаютъ свой продолжительный ревъ съ безпрестаннымъ шумомъ проливнаго дождя, если сухой прутикъ хрустнетъ въ лѣсу подъ ногой или рукою человѣческой, музъ уже слышитъ. Онъ не всегда убѣгаетъ, но перестаетъ ѣсть, и вслушивается во всѣ звуки. Если въ теченіе цѣлаго часа человѣкъ не произведетъ никакого шума, то музъ начинаетъ ѣсть опять, но ужь не забываетъ звука, имъ услышаннаго, и на нѣсколько часовъ осторожность его остается дѣятельнѣе».

Легкость и неутомимость Индѣйцевъ въ преслѣдованіи звѣрей почти неимовѣрны. Вотъ какъ Теннеръ описываетъ охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снѣгъ былъ еще не глубже одного фута, а мы уже чувствовали голодъ. Намъ встрѣтилась толпа лосей, и мы убили четырехъ въ одинъ день.

«Вотъ какъ Индѣйцы травятъ лосей. Спугнувъ съ мѣста, они преслѣдуютъ ихъ ровнымъ шагомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Испуганные звѣри горяча опережаютъ ихъ на нѣсколько миль; но Индѣйцы, слѣдуя за ними все тѣмъ же шагомъ, наконецъ настигаютъ ихъ; толпа лосей, завидя ихъ, бѣжитъ съ новымъ усиліемъ, и исчезаетъ опять на часъ или на два. Охотники начинаютъ открывать ихъ скорѣе и скорѣе, и лоси все долѣе и долѣе остаются въ ихъ виду; наконецъ охотники ужъ ни на минуту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Усталые лоси бѣгутъ тихой рысью; вскорѣ идутъ шагомъ. Тогда и охотники находятся почти въ совершенномъ изнеможеніи. Однако жъ они обыкновенно могутъ еще дать залпъ изъ ружей по стаду лосей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ новую силу, а охотники, ежели снѣгъ не глубокъ, рѣдко имѣютъ духъ и возможность выстрѣлить болѣе одного или двухъ разъ. Въ продолжительномъ бѣгствѣ лось не легко высвобождаетъ копыто свое; въ глубокихъ снѣгахъ его достигнуть легко. Есть Индѣйцы, которые могутъ преслѣдовать лосей по степи и безснѣжной; но такихъ мало.»

Препятствія, нужды, встрѣчаемыя Индѣйцами въ сихъ предпріятіяхъ, превосходятъ все, что можно себѣ вообразить. Находясь въ безпрестанномъ движеніи, они не ѣдятъ по цѣлымъ суткамъ, и при-

нуждены иногда, послѣ такого насильственнаго поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь въ пропасти, покрытыя снѣгомъ, переправляясь черезъ бурныя рѣки на легкой древесной корѣ, они находятся въ ежеминутной опасности потерять или жизнь или средства къ ея поддержанію. Подмочивъ гнилое дерево, изъ коего добываютъ себѣ огонь, часто охотники замерзаютъ въ снѣговой степи. Самъ Теннеръ нѣсколько разъ чувствовалъ приближеніе ледяной смерти. «Однажды рано утромъ» — говоритъ онъ — «я погналъ лося и преслѣдовалъ его до ночи; уже готовъ былъ его достигнуть, но вдругъ лишился и силъ и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскорѣ она оледѣнѣла. Мои суконныя ^{штаны} *митассы* (порты) изорвались въ клочки во время бѣга сквозь кустарники. Я почувствовалъ, что замерзаю. . . . Около полуночи достигъ мѣста, гдѣ стояла наша хижина; ея уже тамъ не было: старуха перенесла ее на другое мѣсто. . . . Я пошелъ по слѣдамъ моей семьи, и вскорѣ холодъ сталъ нечувствителенъ: мною овладѣло усыпленіе, обыкновенный признакъ предшествующей смерти. Я удвоилъ усилія, и хотя былъ въ совершенной памяти и понималъ очень хорошо опасность своего положенія, но съ трудомъ могъ удерживать желаніе прилечь на землю. Наконецъ совер-

шенно забылся, не знаю на-долго-ли, и очнувшись какъ ото сна, увидѣлъ, что кружился на одномъ мѣстѣ.

«Я сталъ искать своихъ слѣдовъ, и вдругъ вдали увидѣлъ огонь; но снова потерялъ чувства. Если бы я упалъ, то ужъ никогда бы не всталъ. Я сталъ опять кружиться на одномъ мѣстѣ; наконецъ достигъ нашей хижины. Вошедъ въ нее, я упалъ, однако жъ не лишился чувствъ. Какъ теперь вижу огонь, освѣщающій ярко нашу хижину, и ледъ, ее покрывающій; какъ теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго передъ наступленіемъ ночи, не полагая, чтобъ я такъ долго остался на охотѣ. . . . Цѣлый мѣсяцъ я не могъ вытти: ^{Три года} лице, руки и ^{Три года} лъпки были у меня сильно отморожены. . . .»

Подвергаясь таковымъ трудамъ и опасностямъ, Индѣйцы имѣютъ цѣлю заготовленіе бобровыхъ мѣховъ, буйволовохъ кожъ и прочаго, дабы продать и вымѣнять ихъ купцамъ Американскимъ. Но рѣдко получаютъ они выгоду въ торговыхъ своихъ оборотахъ: купцы обыкновенно пользуются ихъ простотою и склонностію къ крѣпкимъ напиткамъ. Вымѣнявъ часть товаровъ на ромъ и водку, бѣдные Индѣйцы отдаютъ и остальные за безцѣнокъ; за продолжительнымъ пьянствомъ слѣдуетъ голодъ и нищета, и несчастные дикари принуждены вскорѣ

опять обратиться къ скудной и бѣдственной своей промышленности. Джонъ Теннеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ одну изъ этихъ оргій.

«Торгъ нашъ кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасныхъ бобровыхъ мѣховъ. Взамѣлъ подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряныя украшенія, знаки ея владычества, и бочку рому. Когда купецъ послалъ за нею, чтобъ вручить свой подарокъ, она такъ была пьяна, что не могла держаться на ногахъ. Я явился вмѣсто нея, и былъ немножко навеселѣ; нарядился въ ея платье, надѣлъ на себя и серебряныя украшенія; потомъ взваливъ бочку на плечи, принесъ ее въ хижину. Тутъ я поставилъ бочку наземь и прошибъ дно обухомъ. «Я не изъ тѣхъ начальниковъ» — сказалъ я — «которые тянутъ ромъ изъ дырочки: пей кто хочетъ и сколько хочетъ!» — Старуха прибѣжала съ тремя котлами, — и въ пять минутъ все было выпито. Я пьянствовалъ съ Индѣйцами во второй разъ отроду; у меня спрятанъ былъ ромъ; тайно ходилъ я пить, и былъ пьянъ два дня сряду. Остатки пошелъ допивать съ племянникомъ старухи.... Онъ не былъ еще пьянъ, но жена его лежала передъ огнемъ въ совершенномъ безчувствіи....

«Мы съли пить. Въ это время Индѣецъ, изъ племени Ожибуай, вошелъ шатаясь, и повалился передъ

огнемъ. Ужъ было поздно; но весь таборъ шумѣлъ и пьянствовалъ. Я съ товарищемъ вышелъ, чтобъ попить съ тѣми, которые захотятъ насъ пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котель съ остальною водкою. Погулявъ нѣсколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала передъ огнемъ, но на ней уже не было ея серебряныхъ украшеній. Мы кинулись къ нашему котлу: котель исчезъ; Индѣецъ, оставленный нами передъ огнемъ, скрылся; и по многимъ причинамъ мы подозрѣвали его въ этомъ воровствѣ. Дошло до меня, что онъ сказывалъ, будто бы я его поилъ. На другой день пошелъ я въ его хижину и потребовалъ котла. Онъ велѣлъ своей женѣ принести его. Такимъ образомъ воръ сыскался, и братъ мой получилъ обратно серебряныя украшенія!!...» Оставляемъ читателю судить, какое улучшеніе въ нравахъ дикарей приносятъ соприкосновеніе цивилизаціи! *Джонъ Теннеръ*

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость—главные пороки дикихъ Американцевъ. Убийство между ними не почитается преступленіемъ; но родственники и друзья убитаго обыкновенно мстятъ за его смерть. Джонъ Теннеръ навлекъ на себя ненависть одного Индѣйца, и нѣсколько разъ подвергался его удару. «Ты давно могъ бы меня убить»—сказалъ ему однажды Тен-

неръ—«но ты не мужчина; у тебя нѣтъ даже сердца женскаго, ни смѣлости собачей. Никогда не прощу тебѣ, что ты на меня замахнулся ножемъ, и не имѣлъ духа поразить». — Храбрость почитается между Индѣйцами главною человѣческою добродѣтелью: трусь презираемъ у нихъ наравнѣ съ лѣнивымъ или слабымъ охотникомъ. Иногда, если убійство произошло въ пьянствѣ или ненарочно, родственники торжественно прощаютъ душегубца. Теннеръ рассказываетъ любопытный случай.

«Молодой человѣкъ, изъ племени Оттовауа, жившій у меня во время моей болѣзни, отлучился въ таборъ новоприбывшихъ Индѣйцевъ, которые въ то время пьянствовали. Въ полночь его привели къ намъ пьянаго. Одинъ изъ проводниковъ втокнулъ его въ хижину, сказавъ: «Смотрите за нимъ: молодой человѣкъ напроказилъ.»

«Мы разложили огонь, и увидѣли молодаго человѣка, стоящаго съ ножемъ въ рукѣ, всего окровавленнаго. Его не могли уложить; я приказалъ ему лечь, и онъ повиновался. Я запретилъ дѣлать разысканія и упоминать ему объ окровавленномъ ножѣ.

«Утромъ, вставъ отъ глубокаго сна, онъ ничего не помнилъ. Молодой человѣкъ сказалъ намъ, что наканунѣ, кажется, онъ напился пьянъ, что очень

голодень и хочетъ готовить себѣ обѣдъ. Онъ изумился, когда я сказалъ ему, что онъ убилъ человѣка. Онъ зналъ только, что во время пьянства кричалъ, вспомни объ отцѣ своемъ, убитомъ нѣкогда на томъ самомъ мѣстѣ бѣлыми людьми. Онъ очень опечалился, и тотчасъ побѣждалъ взглянуть на того, кого зарѣзалъ. Несчастный былъ еще живъ. Мы узнали, что, когда былъ онъ пораженъ, тогда лежалъ пьяный безъ памяти, и что самъ убійца вѣроятно не зналъ, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего; но переводчикъ (Американскаго губернатора) сильно его упрекалъ.

«Ясно было, что раненый не могъ жить, и что послѣдній часъ его былъ уже близокъ. Убійца возвратился къ намъ. Мы приготовили значительные подарки: кто далъ одѣяло, кто кусокъ сукна, кто то, кто другое. Онъ унесъ ихъ тотчасъ и положилъ передъ раненымъ. Потомъ обратясь къ родственникамъ, сказалъ имъ: «Друзья мои, вы видите, что я убилъ вашего брата; но я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Я не имѣлъ злаго намѣренія: недавно приходилъ онъ въ нашъ таборъ, и я съ нимъ видѣлся дружелюбно; но въ пьянствѣ я обезумѣлъ, и жизнь моя вамъ принадлежитъ. Я бѣденъ, и живу у чужихъ; но они готовы отвести меня къ моему семейству, и прислали вамъ эти

подарки. Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; подарки передъ вами: выбирайте, что хотите. Друзья мои жаловаться не стануть».

«При сихъ словахъ онъ сѣлъ, наклонивъ голову и закрывъ глаза руками въ ожиданіи смертельнаго удара. Но старая мать убитаго вышла впередъ и сказала ему: «Ни я, ни дѣти мои смерти твоей не хотятъ. Не отвѣчаю за моего мужа; его здѣсь нѣтъ; однако жъ подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить отъ тебя мщеніе мужа. Это несчастіе случилось ненарочно. За что же твоя мать будетъ плакать, какъ я?»—

«На другой день молодой человѣкъ умеръ, и многіе изъ насъ помогли убійцѣ вырыть могилу. Когда все было готово, губернаторъ подарилъ мертвецу богатая одѣяла, платья и прочее (что, по обычаю Индѣйцевъ, должно было быть схоронено вмѣстѣ съ тѣломъ). Эти подарки положены были въ кучу на краю могилы. Но старуха, вмѣсто того, чтобъ ихъ закопать, предложила молодымъ людямъ разыграть ихъ между собою.

«Разныя игры слѣдовали одна за другою: стрѣляли въ цѣль, прыгали, боролись, и пр. Но лучший кусокъ сукна былъ назначенъ наградою побѣдителю за бѣгъ въ-запуски. Самъ убійца его выигралъ. Старуха ^{стимуломъ} подозвала его, и сказала: «Молодой человѣкъ! Сынъ мой былъ очень мнѣ дорогъ;

боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступилъ его мѣсто, и любилъ и охранялъ меня подобно ему. Боюсь только моего мужа.»

Молодой человѣкъ, благодарный за ея заступленіе, принялъ тотчасъ предложеніе. Онъ былъ усыновленъ, и родственники убитаго всегда обходились съ нимъ ласково и дружелюбно».

Не всѣ ссоры и убійства кончаются такъ миролюбиво. Джонъ Теннеръ описалъ одну ссору, гдѣ ужасное и смѣшное страннымъ образомъ перемѣшаны между собою.

«Братъ мой Уа-ме-гонъ-е-бью вошелъ въ шалашъ, гдѣ молодой человѣкъ билъ одну старуху. Братъ удержалъ его за руку. Въ это самое время пьяный старикъ, по имени Та-бу-шишъ, вошелъ туда же, и, вѣроятно не разобравъ порядочно въ чемъ дѣло, схватилъ брата за волосы и откусилъ ему носъ. Народъ сбѣжался; произошло смятеніе. Многихъ изранили. Бегъ-уа-изъ, одинъ изъ старыхъ начальниковъ, бывшій всегда къ намъ благосклоненъ, прибѣжалъ на шумъ, и почелъ своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ братъ мой, замѣтя свою потерю, поднялъ руки, не подымая глазъ, вцѣпился въ волоса первой попавшейся ему головы, и разомъ откусилъ ей носъ. Это былъ носъ нашего друга, стараго Бегъ-

уа-изъ! Утоливъ немного свое бѣшенство, Уа-ме-гонъ-е-бью узналъ его, и закричалъ: «Дядя! это ты!» — Бегъ-уа-изъ былъ человѣкъ добрый и смиренный; онъ зналъ, что братъ откусилъ ему носъ совсѣмъ неумышленно. Онъ нимало не осердился, и сказалъ: «Я старъ: не долго будутъ смѣяться надъ потерей моего носа.»

«Съ своей стороны я былъ въ сильномъ негодованіи на старика, обезобразившаго брата моего. Я вошелъ въ хижину къ Уа-ме-гонъ-е-бью и сѣлъ подлѣ него. Онъ весь былъ окровавленъ; нѣсколько времени молчалъ, и когда заговорилъ, я увидѣлъ, что онъ былъ въ полномъ своемъ разсудкѣ. «Завтра» — сказалъ онъ — «я буду плакать съ моими дѣтьми; послѣ завтра пойду къ Та-бу-шишу (врагу «своему»), и мы оба умремъ: я не хочу жить, чтобъ «быть вѣчно посмѣшищемъ.» Я обѣщался ему помочь въ его предпріятіи и приготовился къ дѣлу. Но проспавшись и проплакавъ цѣлый день съ своими дѣтьми, онъ оставилъ свои злобныя намѣренія, и рѣшился какъ-нибудь обойтись безъ носу также какъ и Бегъ-уа-изъ.

«Нѣсколько дней спустя, Та-бу-шишъ опасно занемогъ горячкою. Онъ ужасно похудѣлъ, и, казалось, умиралъ. Наконецъ прислалъ онъ къ Уа-ме-гонъ-е-бью два котла и другіе значительные подарки, и велѣлъ ему сказать: «Другъ мой, я тебя

«обезобразилъ, а ты наслалъ на меня болѣзнь. Я много страдалъ, а коли умру, то дѣти мои будутъ страдать еще болѣе. Посылаю тебѣ подарки, дабы ты оставилъ мнѣ жизнь....» Уа-ме-гонъ-е-бью отвѣчалъ ему черезъ посланнаго: «Не я наслалъ на тебя болѣзнь; вылечить тебя не могу, подарковъ твоихъ не хочу.» Та-бу-шишъ томился около мѣсяца; волоса у него вылѣзли; потомъ онъ началъ выздоравливать, и мы всѣ пошли въ степи по разнымъ направленіямъ, удаляясь одинъ отъ другаго какъ можно болѣе.....

«Однажды мы расположились таборомъ близъ деревушки, въ которую переселился Та-бу-шишъ, и готовы были уже снова выступить, какъ вдругъ увидѣли его. Онъ былъ весь голый, расписанъ и украшенъ какъ для битвы, и держалъ въ рукахъ оружіе. Онъ медленно къ намъ приближался, и казался глубоко раздраженнымъ. Но никто изъ насъ не понялъ его намѣренія до самой той минуты, какъ онъ уставилъ дуло своего ружья въ спину моему брату. «Другъ мой» — сказалъ онъ ему — «мы довольно прожили; мы довольно другъ друга помучили. Тебя просили отъ моего имени довольствоваться тѣмъ, что уже я вытерпѣлъ; ты не согласился; черезъ тебя я все еще страдаю; жизнь мнѣ несносна: намъ должно вмѣстѣ умереть.» — Два молодые Индѣйца, видя его на-

мѣреніе, тотчасъ натянули свои луки, и прицѣлились въ него стрѣлами; но Та-бу-шишъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Уа-ме-гонъ-е-бью испугался, и не смѣлъ приподнять голову. Та-бу-шишъ готовъ былъ биться съ нимъ на смерть; но онъ не принялъ вызова. Съ той поры я вовсе пересталъ его уважать: послѣдній Индѣецъ былъ храбрѣе и великодушнѣе его.»

Если частныя распри Индѣйцевъ жестоки и кровопролитны, то войны ихъ, за то, вовсе не губительны, и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властію, а дикари не знаютъ, что такое повиновеніе воинское. Они, наскуча походомъ, оставляютъ войско одинъ за другимъ, и возвращаются каждый въ свою хижину, не успѣвъ увидѣть непріятеля. Старшины упрямятся нѣсколько времени; но, оставшись одни безъ воиновъ, слѣдуютъ общему примѣру, и война кончается безо всякаго послѣдствія.

Джонъ Теннеръ рассказываетъ съ видимымъ удовольствіемъ одинъ изъ своихъ военныхъ подвиговъ, который немного походитъ на воровство, но тѣмъ неменѣе доказываетъ его предприимчивость и неустрашимость. Какіе-то Индѣйцы похитили у него лошадь. Онъ отправился съ намѣреніемъ, или отыскать ее, или замѣнить. Посѣщая Индѣйскія селенія,

въ одномъ изъ нихъ не встрѣтилъ онъ никакого гостепріимства. Это его оскорбило, и замѣтивъ добрую лошадь, принадлежавшую старшинѣ, онъ изъ мести рѣшился присвоить ее себѣ.

«У меня подъ одѣяломъ» — говорилъ онъ — «спрятанъ былъ арканъ.» Я искусно набросилъ его на шею лошади — и не поскакалъ, а полетѣлъ. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтобъ оглянуться: хижины негостепріимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долинѣ....

«Тутъ я подумалъ, что нехорошо поступаю, похищая любимую лошадь человѣка, не сдѣлавшаго мнѣ никакого зла, хотя и отказавшаго мнѣ въ должномъ гостепріимствѣ. Я соскочилъ съ лошади и пустилъ ее на волю. Но въ ту же минуту увидѣлъ толпу Индѣйцевъ скачущихъ, изъ-за возвышенія. Я едва успѣлъ убѣжать въ ближній орѣшникъ. Они искали меня нѣсколько времени по разнымъ направленіямъ, а я между тѣмъ спрятался съ большей осторожностію. Они разсѣялись. Многіе прошли близехонько отъ меня; но я былъ такъ хорошо спрятанъ, что могъ безопасно наблюдать за всѣми ихъ движеніями. Одинъ молодой человѣкъ раздѣлся до нага, какъ для сраженія, запѣлъ свою боевую пѣснь, бросилъ ружье, и съ простою дубиною въ рукахъ пошелъ прямо къ

мѣсту, гдѣ я былъ спрятанъ. Онъ уже былъ отъ меня шагахъ въ двадцати. Курокъ у ружья моего былъ взведенъ, и я цѣлилъ въ сердце . . . Но онъ воротился. Онъ конечно не видалъ меня; но мысль находиться подъ надзоромъ невидимаго врага, вооруженнаго ружьемъ, вѣроятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчасъ пустился въ обратный путь, радуясь, что избавился отъ такой опасности; шелъ день и ночь, и на третьи сутки прибылъ къ рѣкѣ Маузь. Купцы тамошней конторы пѣняли, что я упустилъ изъ рукъ похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цѣну.

«Въ двадцати миляхъ отъ этой конторы жилъ одинъ изъ моихъ друзей, по имени Бе-на. Я просилъ его освѣдомиться о моей лошади и объ ея похитителѣ. Бе-на впустилъ меня въ шалашъ, гдѣ жили двѣ старухи, и сквозь щелку указалъ на ту хижину, гдѣ жилъ Ба-гисъ-кунъ-нунгъ съ четырьмя своими сыновьями. Лошади ихъ паслись около хижины. Бе-на указалъ на прекраснаго чернаго коня, вымѣннаго ими на мою лошадь . . . Я тотчасъ отправился къ Ба-гисъ-кунъ-нунгу, и сказалъ ему: «Мнѣ нужна лошадь»—У меня нѣтъ лишней лошади.—«Такъ я жъ одну уведу».—А я тебя убью.—Мы разстались. Я приготовился къ

утру отправиться въ путь. Бе-на далъ мнѣ буйволочную кожу вмѣсто сѣдла, а старуха продала мнѣ ремень, взамѣнъ аркана, мною оставленнаго на шеѣ лошади Индѣйскаго старшины. Раню утромъ вошелъ я въ хижину Бе-на, еще спавшаго, и покрылъ его тихонько совершенно новымъ одѣяломъ, мнѣ принадлежавшимъ. Потомъ пошелъ далѣе.

«Приближаясь къ хижинѣ Ба-гисъ-кунъ-нунга, увидѣлъ я старшаго его сына, сидящаго на порогѣ..... Замѣтивъ меня, онъ закричалъ изо всей мочи..... Вся деревня пришла въ смятеніе.... Народъ собрался около меня.....Никто, казалось, не хотѣлъ мѣшаться въ это дѣло. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную неприязнь....

«Я такъ былъ взволнованъ, что не чувствовалъ подъ собою земли; кажется, однако, я не былъ испуганъ. Набросивъ петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхомъ, потому-что это движеніе лишило бы меня на минуту возможности защищаться,—и можно было бы напасть на меня съ-тыла. Подумавъ однако, что видъ малѣйшей нерѣшительности былъ бы для меня чрезвычайно невыгоднымъ, я хотѣлъ вскочить на лошадь; но сдѣлавъ слишкомъ большое усиліе, перепрыгнулъ черезъ лошадь, и растянулся на той сторонѣ, съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ лукомъ и стрѣлами

въ другой. Я всталъ поспѣшно, оглядываясь кругомъ, дабы надзирать надъ движеніями моихъ непріятелей. Всѣ хотали во все горло, кромѣ семьи Ба-гисъ-кунъ-нунга. Это ободрило меня, и я сѣлъ верхомъ съ бѣльшей рѣшимостію. Я видѣлъ, что, ежели бы въ самомъ дѣлѣ хотѣли на меня напасть, то воспользовались бы минутою моего паденія. Къ тому же веселый хохотъ Индѣйцевъ доказывалъ, что предпріятіе мое вовсе ихъ не оскорбляло.»

Джонъ Теннеръ отбился отъ погони, и остался спокойнымъ владѣтелемъ геройски похищеннаго коня.

Онъ иногда выдаетъ себя за человѣка недоступнаго предразсудкамъ; но поминутно обличаетъ свое Индѣйское суевѣріе. Теннеръ вѣритъ снамъ и предсказаніямъ старухъ: тѣ и другія для него всегда сбываются. Когда голодець, ему снятся жирные медвѣди, вкусныя рыбы, и черезъ нѣсколько времени въ самомъ дѣлѣ удастся ему застрѣлить дикую козу или поймать осетра. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ему всегда является во снѣ какой-то молодой человѣкъ, который даетъ добрый совѣтъ или ободряетъ его. Теннеръ поэтически описываетъ одно видѣніе, которое имѣлъ онъ въ пустынѣ на берегу Малаго Сасъ-Кау.

«На берегу этой рѣки есть мѣсто, нарочно созданное для Индѣйскаго табора: прекрасная при-

стань, маленькая долина, густой лѣсъ, прислоненный къ холму.....Но это мѣсто напоминаетъ ужасное происшествіе: здѣсь совершилось братоубійство, злодѣяніе столь неслыханное, что самое мѣсто почитается проклятымъ. Ни одинъ Индѣецъ не причалитъ челнока своего къ долинь «Двухъ Убитыхъ»; никто не осмѣлится тамъ ночевать. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ Индѣйскомъ таборѣ, здѣсь остановившемся, два брата (имѣвшіе сокола своимъ *тотемомъ* *) поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Свидѣтели такъ были поражены симъ ужаснымъ злодѣйствомъ, что тутъ же умертвили братоубійцу. Оба брата похоронены вмѣстѣ.

«Приближаясь къ сему мѣсту, я много думалъ о двухъ братьяхъ, имѣвшихъ одинъ со мною *тотемъ*, и которыхъ почиталъ я родственниками матери моей (Нетъ-но-куа). Я слыхалъ, что когда располагались на ихъ могилѣ (что нѣсколько разъ и случалось), они выходили изъ-подъ земли и возобновляли ссору и убійство. По крайней мѣрѣ достоверно, что они беспокоили посѣтителей и мѣшали имъ спать. Любопытство мое было встревожено. Мнѣ хотѣлось рассказать Индѣйцамъ не

* Родъ герба. *Соколъ* былъ также *тотемомъ* и Д. Теннера.

только, что я останавливался въ этомъ страшномъ мѣстѣ, но что еще тамъ и ночеваль.

Солнце садилось, когда я туда прибыль. Я вытащилъ свой челнокъ на берегъ, разложилъ огонь, и отужинавъ, заснулъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и я увидѣль обонихъ мертвецовъ, встающихъ изъ могилы. Они пришли и сѣли у огня прямо передо мною. Глаза ихъ были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная. Я никого не видѣль, не слышалъ ни одного звука, кромѣ шума шатающихся деревь. Вѣроятно я заснулъ опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу рѣки, потому-что головы ихъ были наравнѣ съ землею, на которой разложилъ я огонь. Глаза ихъ все были устремлены на меня. Вскорѣ они встали опять одинъ за другимъ, и сѣли снова противъ меня. Но тутъ уже они смѣялись, били меня тросточками и мучили различнымъ образомъ. Я хотѣль имъ сказать слово, но не стало голосу; пробоваль бѣжать: ноги не двигались. Цѣлую ночь я волновался и былъ въ безпрестанномъ страхѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, между прочимъ, чтобъ я взглянулъ на подошву ближняго холма. Я увидѣль связанную лошадь, глядѣвшую на меня. «Вотъ тебѣ, братъ»

— сказалъ мнѣ жеби * — «лошадь на завтрашній путь. Когда ты поѣдешь домой, тебѣ можно будетъ взять ее снова, а съ нами провести еще одну ночь».

«Наконецъ разсвѣло, и я съ большимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что эти страшныя провидѣнія исчезли съ ночнымъ мракомъ. Но, пробывъ долго между Индѣйцами, и зная множество примѣровъ тому, что сны часто сбываются, я сталъ не-нашутку помышлять о лошади, данной мнѣ мертвецомъ; пошелъ къ холму, и увидѣлъ конскіе слѣды и другія примѣты, а въ нѣкоторомъ разстояніи нашель и лошадь, которую тотчасъ узналъ: она принадлежала купцу, съ которымъ имѣлъ я дѣло. Дорога сухимъ путемъ была нѣсколькими милями короче пути водянаго. Я бросилъ челнокъ, навьючилъ лошадь, и отправился къ конторѣ, куда на другой день и прибылъ. Въ послѣдствіи времени я всегда старался миновать могилу обоихъ братьевъ; а рассказъ о моемъ видѣніи и страданіяхъ ночныхъ увеличилъ въ Индѣйцахъ суевѣрный ихъ ужасъ.»

Джонъ Теннеръ былъ дважды женатъ. Описаніе первой его любви имѣеть въ его «Запискахъ» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила

* Мертвецъ.

имя, имѣвшее очень поэтическое значеніе, но которое съ трудомъ помѣстилось бы въ элегіи: она звалась Мисъ-куа-бунъ-о-куа, что по Индѣйски значить заря.

«Однажды вечеромъ» — говоритъ Теннеръ — «сидя передъ нашей хижиной, увидѣлъ я молодую дѣвушку. Она, гуляя, курила табакъ, и изрѣдка на меня посматривала; наконецъ подошла ко мнѣ и предложила мнѣ курить изъ своей трубки. Я отвѣчалъ, что не курю. «Ты отъ того» — сказала она — «отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взялъ трубку изъ ея рукъ, и покурить немного — въ самомъ дѣлѣ въ первый разъ отъ роду. Она со мною разговорилась, и понравилась мнѣ. Съ той поры мы часто видались, и я къ ней привязался.

«Вхожу въ эти подробности, потому что у Индѣйцевъ такимъ образомъ не знакомятся. У нихъ обыкновенно молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ вовсе ему незнакомой. Они видались; можетъ быть, взглянули другъ на друга; но вѣроятно никогда между собою не говорили; свадьба рѣшена стариками, и рѣдко молодая чета противится волѣ родительской. Оба знаютъ, что, если союзъ сей будетъ непріятенъ одному изъ двухъ, или обоимъ вмѣстѣ, то легко будетъ его расторгнуть.

«Разговоры мои съ Мисъ-куа-бунъ-о-куа вскорѣ надѣлали много шуму въ нашемъ селеніи. Однажды старый Очукъ-ку-конъ вошелъ ко мнѣ въ хижину, держа за руку одну изъ многочисленныхъ своихъ внучекъ. Онъ, судя по слухамъ, полагалъ, что я хотѣлъ жениться. «Вотъ тебѣ» — сказалъ онъ моей матери — «самая добрая и самая прекрасная изъ моихъ внучекъ: я отдаю ее твоему сыну». Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя ее у насъ въ хижинѣ. . . . .

«Мать моя всегда любила молодую дѣвушку, которая считалась красавицей. Однако жъ старуха смутилась, и сказала мнѣ наединѣ: «Сынъ, дѣвушка прекрасна и добра; но не бери ее за себя: она больна и черезъ годъ умретъ. Тебѣ нужна жена сильная и здоровая, и такъ предложимъ ей хорошій подарокъ, и отошлемъ ее къ родителямъ». Дѣвушка возвратилась съ богатыми подарками, а черезъ годъ предсказаніе старухи сбылось.

«Съ каждымъ днемъ любовь наша усиливалась. Мать моя, вѣроятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорилъ; но она знала все, и вскорѣ я въ томъ удостовѣрился. Однажды, проведши въ первый разъ большую часть ночи съ моей любовницей, я воротился поздно, и заснулъ. На зарѣ старуха разбудила меня, ударивъ пруткомъ по голымъ ногамъ.

«Вставай» — сказала она — «вставай, молодой женихъ, ступай на охоту. Жена твоя будетъ тебя болѣе почитать, когда рано воротишься къ ней съ добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селенію въ отсутствіе ловцевъ.» Я молча взялъ ружье и вышелъ. Въ полдень воротился, неся на плечахъ жирнаго муза, мною застрѣленнаго, и сбросилъ его къ ногамъ матери, сказавъ ей грубымъ голосомъ: «Вотъ тебѣ, старуха, что ты сегодня утромъ отъ меня требовала.» Она была очень довольна и похвалила меня. Изъ того я заключилъ, что связь моя съ молодой дѣвушкой не была ей противна, и очень былъ тому радъ. Многіе изъ Индѣйцевъ чуждаются своихъ старыхъ родителей; но хотя ^{мать-но-куа} Нетъ-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранялъ къ ней ^{прежнее} прежнее, безусловное почтеніе.

«Я съ жаромъ предавался охотѣ, и почти всегда возвращался рано, или по-крайней-мѣрѣ засвѣтло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался, и разгуливалъ по селенію, играя на Индѣйской свирѣли, называемой пи-бе-гвунъ. Въ теченіе ^{нѣ} котораго времени Мись-куа-бунъ-о-куа притворно отвергала меня. Я сталъ ^{охлаждвать} охладѣвать; тогда она ^{забыла} забыла все притворство... Съ моей стороны желаніе привести жену къ намъ въ хижину уменьшилось. Я хотѣлъ прервать съ нею всякія сно-

шенія. Увидя явное равнодушіе, она хотѣла тронуть мнѣ сердце то слезами, то упреками; но и ничего не говорилъ объ ней старухѣ, и съ каждымъ днемъ охлажденіе мое становилось сильнѣе.

«Около того времени мнѣ понадобилось побывать на Красной-Рѣкѣ, и я отправился съ однимъ Индѣйцемъ, у котораго была сильная и легкая лошадь. Намъ предстояла дорога на семьдесятъ миль. Мы по-очереди ѣхали верхомъ, а пѣшій между тѣмъ бѣжалъ, держа лошадь за хвостъ. Мы были въ дорогѣ одни сутки. На возвратномъ пути я былъ одинъ, и шелъ пѣшкомъ. Темнота ночи и усталость заставили меня почевать въ десяти миляхъ отъ нашей хижины.

«Пришедъ домой на другой день, я увидѣлъ Мись-куа-бунъ-о-куа сидящую на моемъ мѣстѣ. Я остановился у дверей въ недоумѣніи. Она потупила голову. Старуха сказала мнѣ съ видомъ сердитымъ: «Что же? развѣ оборотился ты спиною къ нашей хижинѣ, и обезчестишь эту бѣдную дѣвушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сдѣлалось по твоей же волѣ, не съ моего и не съ ея согласія. Ты самъ за нею бѣгалъ повсюду! а теперь неужто прогонишь ее, какъ будто она на тебя навязалась?»... Укоризны матери казались мнѣ не совсѣмъ несправедливы.

Я вошелъ и сѣлъ подлѣ дѣвушки . . . Такимъ образомъ мы стали мужъ и жена.» —

Джонъ Теннеръ оставилъ свою жену, и взялъ другую, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Вопреки своей долговременной привычкѣ и страстной любви къ жизни охотничей, жизни трудовъ, опасностей и восхищеній, непонятныхъ и неизъяснимыхъ, одичалый Американецъ всегда помышлялъ о возвращеніи въ нѣдра семейства, отъ котораго такъ долго былъ насильственно отторгнутъ. Наконецъ рѣшился исполнить давнишнее свое намѣреніе, и отправился къ берегамъ Бигъ - Міами, къ мѣсту пребыванія прежняго своего семейства.

Пришедъ въ одно изъ тамошнихъ поселеній, встрѣтилъ онъ стараго Индѣйца, и узналъ въ немъ молодаго дикаря, нѣкогда его похитившаго. Они дружески обнялись. Теннеръ узналъ отъ него о смерти старика, такъ страшно съ нимъ познакомившагося. Индѣецъ разсказалъ ему подробности его похищенія, о которыхъ Теннеръ имѣлъ только смутное понятіе. На вопросъ его: правда ли, что старый Теннеръ и все его семейство учинились жертвою Индѣйцевъ, какъ нѣкогда Манито-о-гезикъ увѣрялъ маленькаго своего плѣнника? Индѣецъ отвѣчалъ, что старикъ солгалъ, и разсказалъ ему слѣдующее:

«Годъ спустя послѣ похищенія Джона Теннера, Монито-о-гезикъ воротился къ тому мѣсту, гдѣ совершилъ первое свое предпріятіе. Тутъ съ утра до полудня онъ подстерегалъ стараго Теннера и его работниковъ. Они всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ; въ полѣ остался только старшій сынъ, пахавшій землю сохою, запряженною лошадьюми. Индѣйцы на него бросились; лошади дернули; братъ Джона Теннера запутался въ веревкахъ, упалъ, и былъ схваченъ. Лошадей убили стрѣлами. Индѣйцы утащили молодаго Теннера въ лѣса, переправясь до ночи черезъ Оіо. Плѣнника привязали къ дереву веревками; но онъ успѣлъ перегрызть узелъ, высвободилъ руку, вынулъ ножичекъ изъ кармана перерѣзалъ свои узы, тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ и бросился вплавъ. Индѣйцы, услышавъ шумъ, проснулись, погнались-было за нимъ; но ночь была темна, и онъ успѣлъ убѣжать, оставя имъ на память свою шляпу.»

Отецъ Теннера умеръ тому лѣтъ десять, оставя имѣніе свое старшему сыну, и не позабывъ въ своей духовной того, чья участь была ему неизвѣстна.

Наконецъ Джонъ Теннеръ увидѣлъ свою семью, которая приняла его съ великою радостію. Братъ его обнялъ съ восторгомъ, обрѣзалъ ему волосы, и употребилъ всевозможныя старанія, дабы удерж-

жать его у себя дома. Одичалый Американецъ, съ своей стороны, звалъ его къ себѣ, къ Лѣсному Озеру, выхваляя ему черезъ переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имѣла десять человѣкъ дѣтей. Наконецъ просьбы родныхъ на него подѣйствовали: онъ рѣшился оставить Индѣйцевъ и съ своими дѣтьми переселиться въ общество, которому принадлежалъ по праву рожденія.

Но приключенія Теннера тѣмъ еще не кончились. Судьба назначала ему еще новыя испытанія. Возвратясь къ дикимъ своимъ знакомцамъ и объявивъ имъ о своемъ намѣреніи, онъ возбудилъ сильное негодованіе. Индѣйцы не соглашались выдать ему дѣтей. Жена отказывалась слѣдовать за нимъ къ людямъ чуждымъ и ненавистнымъ. Власти Американскія принуждены были вмѣшаться въ семейственныя дѣла Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили Индѣйцевъ отпустить его домой со всѣмъ семействомъ. Онъ еще въ послѣдній разъ отправился съ родными къ Красной-Рѣкѣ на охоту за буйволами, прощаясь навсегда съ дикою жизнію, имѣвшей для него столько прелести. Возвратясь, онъ сталъ готовиться въ дорогу.

Индѣйцы простились съ нимъ дружелюбно. Сынъ его не захотѣлъ за нимъ слѣдовать, и остался вольнымъ дикаремъ. Теннеръ отправился съ двумя

дочерьми и съ ихъ матерью, которая не хотѣла съ ними разстаться. Послушаемъ, какъ Теннеръ описываетъ свое послѣднее путешествіе.

«Въ обратномъ пути я предпочелъ ѣхать по Недоброй-Рѣкѣ, что должно было сократить дорогу на нѣсколько миль. Близъ устья рѣки Осетра въ то время стоялъ таборъ или деревня изъ шести или семи хижинъ. Тутъ находился молодой человекъ, по имени Омъ - чу - гвуть - онъ. Онъ былъ высѣченъ, по приказанію Американскаго начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовалъ. Узнавъ о моемъ проѣздѣ, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на своемъ челночкѣ.

«Довольно страннымъ образомъ сталъ онъ искать разговора со мною, и вздумалъ увѣрить, что между нами существовали сношенія семейственныя; ночевалъ съ нами вмѣстѣ, и утромъ мы съ нимъ отправились въ одно время. Причали къ берегу, я примѣтилъ, что онъ искалъ случая встрѣтиться въ лѣсу съ одною изъ моихъ дочерей, которая тотчасъ воротилась, немного встревоженная. Мать ея также нѣсколько разъ въ теченіе дня имѣла съ нею тайные разговоры; но дѣвочка все была печальна и нѣсколько разъ вскрикивала.

«Къ ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человекъ тотчасъ удалился. Я притворно занимался своими распоряженіями, а между тѣмъ

не выпускалъ его изъ виду; — вдругъ приблизился къ нему, и увидѣлъ его посреди всего снаряда охотничьяго. Онъ обматывалъ около пули оленью жилу, длиною около пяти вершковъ. Я сказалъ ему: «Братъ мой» (такъ называлъ онъ меня самъ) «если у тебя недостаетъ пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебѣ понадобится.» Онъ отвѣчалъ, что ни въ чемъ не нуждается, а я воротился къ себѣ на ночлегъ.

Нѣсколько времени я его не видалъ. Вдругъ явился онъ въ нарядѣ и украшеніяхъ война, идущаго въ сраженіе. Въ первую половину ночи онъ надзиралъ за всѣми моими движеніями съ удивительнымъ вниманіемъ; подозрѣнія мои, уже и безъ того сильно возбужденныя, увеличились еще болѣе. Однакожъ онъ продолжалъ со мною разговаривать много и дружелюбно, и попросилъ у меня ножикъ, чтобы нарѣзать табаку; но вмѣсто того, чтобъ возвратить его, сунулъ себѣ за поясъ. Я полагалъ, что онъ отдастъ мнѣ его поутру.

«Я легъ въ обыкновенный часъ, не желая показать ему свои подозрѣнія. Палатки у меня не было, и я лежалъ подъ крашеной холстиной. Расстнувшись на землѣ, я выбралъ такое положеніе, что могъ видѣть каждое его движеніе. Настала гроза. Онъ, казалось, сталъ еще болѣе беспокоенъ и нетерпѣливъ. При первыхъ дождевыхъ капляхъ

я предложилъ ему раздѣлить со мною пріютъ. Онъ согласился. Дождь шелъ сильно; огонь нашъ былъ залитъ; скоро потомъ *мустики* (родъ комаровъ) напали на насъ. Онъ опять разложилъ огонь и сталъ обмахивать меня вѣткою.

Я чувствовалъ, что мнѣ не должно было засыпать; но усыпленіе начинало овладѣвать мною. Вдругъ разразилась новая гроза сильнѣе первой. Я оставался какъ усыпленный, не открывая глазъ, не шевелясь и не теряя изъ виду молодаго человѣка. Однажды сильный ударъ грома, казалось, смутилъ его. Я увидѣлъ, что онъ бросалъ въ огонь немного табаку въ видѣ приношенія. Въ другой разъ, когда сонъ, казалось, совершенно мною овладѣвалъ, я увидѣлъ, что онъ стерегъ меня, какъ кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремотѣ.

Поутру онъ съ нами отзавтракалъ, какъ обыкновенно, и ушелъ впередъ прежде, нежели успѣлъ я собраться. Дочь моя, съ которой разговаривалъ онъ въ лѣсу, казалась еще болѣе испуганною, и долго не хотѣла войти въ челнокъ; мать уговаривала ее, и старалась скрыть отъ меня ея смятеніе. Наконецъ мы поѣхали. Молодой человѣкъ плылъ у берега, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, до десяти часовъ утра. Тогда при довольно опасномъ и быстромъ поворотѣ, откуда взору

открывалось далекое пространство, и онъ и челнокъ его исчезли, что очень меня удивило.

«На семь мѣстѣ рѣка имѣетъ до 80 вержей ширины, а въ десяти — отъ поворота, о которомъ я упоминалъ — находится маленькій, утесистый островъ. Я былъ раздѣтъ и съ усиліемъ правилъ челнокомъ противъ бурнаго теченія (что заставляло меня жаться какъ можно ближе къ берегу), какъ вдругъ вблизи раздался ружейный выстрѣлъ; пуля просвистала надъ моей головою. Я почувствовалъ какъ-бы ударъ по боку. Весло выпало у меня изъ правой руки, которая сама повисла. Дымъ выстрѣла затемнялъ кусты; но со втораго взгляда я узналъ убѣгающаго Омъ - чу - гвуть - она.

«Дочери мои закричали. Я обратилъ вниманіе на челнокъ: онъ былъ весь окровавленъ. Я старался лѣвою рукою направить его на берегъ, чтобы преслѣдовать молодаго человѣка; но теченіе было слишкомъ сильно для меня: оно принесло насъ на утесистый островокъ. Я ступилъ на него, и вытащивъ лѣвою рукою челнокъ на камень, попробовалъ зарядить ружье; но не успѣлъ того сдѣлать и упалъ безъ чувствъ. Очнувшись, я увидѣлъ, что былъ одинъ на острову. Челнокъ съ моими дочерьми исчезалъ вдали, возвращаясь вспять по теченію. Я снова лишился чувствъ; но наконецъ прищель въ себя.

«Полагая, что мой убійца надзиралъ за мною изъ какого нибудь скрытаго мѣста, я осмотрѣлъ свои раны. Правая рука была въ очень худомъ состояніи: пуля, вошедшая въ бокъ близъ легкаго, осталась во мнѣ. Я отчаялся въ жизни, и сталъ кликать Омъ-чу-гвуть-она, прося его прекратить мнѣ и жизнь и мученія: «Ты убилъ меня» — кричалъ я — «но хотя я и смертельно раненъ, однако боюсь прожить нѣсколько дней. Приди же, если ты мужъ, и выстрѣли въ меня еще разъ.» Звалъ его нѣсколько разъ, но не получилъ отвѣта.

«Я былъ почти голъ: въ минуту какъ меня ранили, на мнѣ, кромѣ портъ, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилій при плаваніи. Я лежалъ на голомъ утесѣ, на зноѣ лѣтняго дня; земляныя и черныя мухи кусали меня; въ будущемъ видѣлъ я лишь медленную смерть. Но по захожденіи солнца сила и надежда возвратились; я доплылъ до того берега. Вышедъ изъ воды, могъ стать на ноги, и испустилъ крикъ бранный, называемый *сассакуи*, въ знакъ радости и вызова. Но потеря крови и усилія во время плаванія снова лишили меня чувствъ.

«Пришедъ въ себя, я спрятался близъ берега, чтобъ наблюдать за моимъ врагомъ. Вскорѣ увидѣлъ я Омъ-чу-гвуть-она, выходящаго изъ своей западни; онъ пустилъ въ воду свой челнокъ, по-

плыль внизъ по рѣкѣ, и прошелъ близехонько отъ меня. Мнѣ сильно хотѣлось кинуться на него, чтобъ схватить и задавить его въ водѣ; но я не понадѣялся на свои силы, и такимъ образомъ пропустилъ его, не открываясь.

«Вскорѣ пламенная жажда начала меня мучить. Берега рѣки были круты и каменисты. Я не могъ лежа напиться отъ раненой руки, на которую не въ силахъ былъ опереться. Надлежало войти въ воду по самыя губы. Вечеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, и силы мои вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнѣе; я занялся своею раною. Не смотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки; сперва разорвалъ на бинты остатокъ своей рубашки, потомъ зубами и лѣвой рукою сталъ ихъ обвивать около руки, сначала слабо, а потомъ все туже, туже, пока наконецъ успѣлъ ее порядочно перевязать. Вмѣсто лубковъ привязалъ я прутьики, и повѣсилъ руку на веревочку, накинутую на шею.

«Послѣ того взялъ корку съ дерева, похожаго на вишневое, и разжевавъ ее, приложилъ къ моимъ ранамъ, надѣясь тѣмъ остановить теченіе крови. Кусты, отдѣлявшіе меня отъ рѣки, были всѣ окровавлены. Настала ночь. Я выбралъ для ночлега мшистое мѣсто. Пенъ служилъ мнѣ изголовьемъ. Я не хотѣлъ удалиться отъ берега,

дабы наблюдать надо всѣмъ, что случится, и дабы въ случаѣ жажды имѣть возможность ее утолить. Я зналъ, что лодка, принадлежащая купцамъ, должна была около того времени проѣхать въ этомъ самомъ мѣстѣ; отъ нихъ-то я ждалъ помощи. Индѣйскихъ хижинъ не было ближе тѣхъ, откуда къ намъ присоединился Омъ-чу-гвуть-онъ, и я имѣлъ причину думать, что кромѣ его, дочерей моихъ и жены, никого кругомъ не было.

«Простертый на землѣ, я сталъ молиться Великому Духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь въ часъ скорби. Оканчивая молитвы, замѣтилъ я, что мустики, которые роємъ облѣпили голое тѣло мое, умножая страданія, стали отлетать, покружились надо мною, и наконецъ исчезли. Я не приписалъ этого непосредственному дѣйствию Великаго Духа: вечеръ становился холоднымъ, и слѣдовательно это было вліяніе воздуха. Я былъ однако жъ увѣренъ, какъ и всегда, во время бѣдствій и опасности, что владыко дней моихъ невидимо находился близъ меня, ^{мощно} мнѣ покровительствуя. Я спалъ тихо и спокойно; но часто просыпался, и всякой разъ помнилъ, просыпаясь, что снилась мнѣ лодка съ бѣлыми людьми.

«Около полуночи услышалъ я на той сторонѣ рѣки женскіе голоса, и мнѣ показались они голо-

сами моихъ дочерей. Я подумалъ, что Омъ-чугвуть-онъ открылъ мѣсто, куда онѣ скрылись, и какъ-нибудь ихъ обижалъ, потому что крики ихъ изъясляли страданіе. Но я не имѣлъ силы встать и идти къ нимъ на помощь.

«На другой день, прежде десяти часовъ утра, услышалъ я по рѣкѣ человѣческіе голоса, и увидѣлъ лодку, наполненную бѣлыми людьми, подобную той, которую видѣлъ во снѣ. Эти люди вышли на берегъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ я лежалъ, и стали готовить завтракъ. Я узналъ лодку г. Стюарта, Рудзонскаго купца, котораго ждали около того времени. Полагая, что появленіе мое произведетъ надъ ними впечатлѣніе непріятное, я дождался конца ихъ завтрака.

«Когда приготовились они къ отплытію, я вошелъ въ бродъ, дабы обратить на себя ихъ вниманіе. Увидя меня, Французы перестали грести, и всѣ устремили на меня взоръ съ видомъ сомнѣнія и ужаса. Теченіе быстро ихъ уносило, и зовъ мой, произнесенный на Индѣйскомъ языкѣ, не производилъ никакого дѣйствія. Наконецъ я сталъ звать г. Стюарта по имени, и вспомнивъ нѣсколько Англійскихъ словъ, умолялъ путешественниковъ воротиться за мною. Въ одну минуту весла опустились, и лодка подъѣхала такъ близко, что я могъ въ нее войти.

«Никто не узналъ меня, хотя гг. Стюартъ и Грантъ были мнѣ очень знакомы. Я былъ весь окровавленъ, и вѣроятно страданія очень меня перемѣнили. Меня осыпали вопросами. Вскорѣ узнали, кто я таковъ и что со мною случилось. Приготовили мнѣ постелю въ лодкѣ. Я умолялъ купцевъ ѣхать за моими дѣтьми въ то направленіе, откуда слышались ихъ крики, и боялся найти ихъ умерщвленными. Но всѣ розысканія были тщетны...

«Узнавъ объ имени моего убійцы, купцы рѣшились тотчасъ отправиться въ деревню, гдѣ жилъ Омъ-чу-гвуть-онъ, и обѣщались убить его на мѣстѣ, если успѣютъ его поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы къ хижинамъ, старикъ вышелъ къ намъ навстрѣчу спрашивая: «Что новаго?» — Все хорошо — отвѣчалъ г. Стюартъ — другой новости нѣтъ. — «Бѣлые люди» — возразилъ старикъ — «никогда намъ правды не скажутъ. Я знаю, что въ той странѣ, откуда вы прибыли, есть новости. Одинъ изъ нашихъ молодыхъ людей, Омъ-чу-гвуть-онъ, былъ тамъ, и сказывалъ что Соколь (Индѣйское прозвище Д. Теннера), который дней нѣсколько тому назадъ проѣзжалъ здѣсь съ женою и съ дѣтьми, всѣхъ ихъ перерѣзалъ. Но, кажется, Омъ-чу-гвуть-онъ сдѣлалъ самъ что-нибудь недоброе: онъ что-то не спокоець, а увидя васъ бѣжалъ.»

«Гг. Стюартъ и Грантъ стали однако жъ искать Омь-чу-гвуть-она по всѣмъ хижинамъ, и удостовѣрясь въ его побѣгъ, сказали старику: «Правда, онъ сдѣлалъ недоброе дѣло; но тотъ, кого хотѣлъ онъ убить, съ нами; неизвѣстно, будетъ ли онъ еще живъ. . . .» Тогда показали меня Индѣйцамъ, собравшимся на берегу.

«Здѣсь мы нѣсколько времени отдыхали. Осмотрѣли мои раны. Я удостовѣрился, что пуля, раздробивъ кость руки, вошла въ бокъ близъ ребра, и просилъ г. Гранта вынуть ее; но ни онъ, ни г. Стюартъ на то не согласились. Я принужденъ былъ самъ начать операцію лѣвою рукою. Ланцетъ, данный мнѣ г. Грантомъ, переломился. Я взялъ перочинный ножичекъ, и тотъ переломился, потому что въ этомъ мѣстѣ мясо очень отвердѣло. Наконецъ дали мнѣ широкую бритву, и я вынулъ пулю; она была очень сплюснута. Оленья жила и другія снадобья остались въ ранѣ. Коль скоро увидѣлъ я, что пуля ниже ребръ не опустилась, сталъ надѣяться на выздоровленіе; но, имѣя причину полагать, что рана моя была отравлена ядомъ, предвидѣлъ медленное выздоровленіе.

«Послѣ того отправились мы въ деревню, въ которой старшиною былъ родной братъ моего убійцы. Тутъ г. Стюартъ имѣлъ предосторожность спрятать меня опять. Жители призваны были

одинъ за другимъ; имъ роздали табаку. Но всѣ розысканія остались тщетны. Наконецъ меня показали, и сказано было старшинѣ, что мой убійца былъ родной его братъ. Онъ потупилъ голову, и отказался отвѣчать на вопросы бѣлыхъ людей. Но мы узнали отъ другихъ Индѣйцевъ, что жена моя съ дочерью останавливалась въ этой деревнѣ на пути своемъ къ Дождевому Озеру.

«Мы тотчасъ туда отправились, и нашли ихъ задержанныхъ въ конторѣ. Подозрѣніе тамошнихъ купцевъ было возбуждено ихъ безпокойствомъ и ужасомъ, также и моимъ отсутвіемъ. Коль скоро меня завидѣли, старуха убѣжала въ лѣсъ; но купцы послали за нею погоню; ее поймали и привели.

«Гг. Стюартъ и Грантъ предоставили мнѣ самому произнести приговоръ надъ женою, явно виновной въ покушеніи на мою жизнь. Они объявили ея преступленіе равнымъ злодѣйству Омъчу-гвуть-она и достойнымъ смерти или всякой другой казни. Но я потребовалъ, чтобъ ее только прогнали изъ конторы безъ запасовъ, и запретили бѣ туда являться. Она была мать моихъ дѣтей: я не хотѣлъ, чтобъ она была повѣшена или забита до смерти (какъ предлагали мнѣ купцы); но видъ ея становился мнѣ несносенъ: по просьбѣ моей, ее прогнали безъ наказанія.

«Дочери сказали, что въ ту минуту, какъ упалъ я безъ чувствъ на камень, онѣ, почитая меня мертвымъ и повинуюсь приказанію матери, пустились въ обратный путь, и предалися бѣгству. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ островка, гдѣ я лежалъ, старуха причалила къ кустарнику, спрятала тамъ мое платье, и послѣ долгаго перехода скрылась въ лѣсу; но потомъ, размысливъ, что лучше бы сдѣлала, если бъ присвоила себѣ мою собственность, воротилась. Тогда-то услышалъ я крики дочерей, сопровождавшихъ старуху, которая подбирала мое платье на берегу. . . .»

Нынѣ Джонъ Теннеръ живетъ между образованными своими соотечественниками. Онъ въ тяжбѣ съ своею ^{литературою} ~~мачихою~~ ^{step mother} о нѣсколькихъ ^{литературныхъ} неграхъ, оставленныхъ ему по наслѣдству. Онъ очень выгодно продалъ свои любопытныя «Записки»; и на дняхъ будетъ вѣроятно членомъ *Общества Воз-* ^{Templeton & Soc^o} *держности**. Словомъ, есть надежда, что Теннеръ современемъ сдѣлается настоящимъ *уапкее***^o, съ чѣмъ и поздравляемъ его отъ искренняго сердца.

* Общество, коего цѣль — истребленіе пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

** Прозвище, данное Американцамъ: смыслъ его намъ неизвѣстенъ.

ПИСЬМА КЪ А. О. ИШИМОВОЙ.

I.

На-дняхъ я имѣлъ честь быть у васъ, и крайне жалѣю, что не засталъ васъ дома. Я надѣялся поговорить съ вами о дѣлѣ*. Петръ Александровичъ обнадежилъ меня, что вамъ угодно будетъ принять участіе въ изданіи *Современника*. Заранѣе соглашаюсь на всѣ ваши условія и спѣшу воспользоваться вашимъ благоразположеніемъ. Мнѣ

* Издатели не излишнимъ считаютъ пояснить, когда и о чемъ здѣсь писалъ авторъ. Въ книгѣ *The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall*, изданной 1829 въ Парижѣ, нашелъ онъ много прекрасныхъ произведеній поэзіи, мало извѣстныхъ у насъ въ Россіи. Онъ желалъ познакомить съ ними публику, предположивъ напечатать нѣсколько переводовъ въ *Современникѣ*. Эта мысль особенно занимала его въ послѣднее время. Предпочтительно обратилъ онъ вниманіе на Уаллера (*Barry Cornwall*), который, въ литературной жизни Пушкина, можно сказать, былъ послѣднимъ его собесѣдникомъ. Посреди разнообразныхъ трудовъ по изданію журнала, заготовленію матеріаловъ для исторіи Петра-Великаго и по множеству начатыхъ

хотѣлось познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь ли вы перевести нѣсколько изъ его *Драматическихъ Очерковъ*? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

II.

Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ вамъ Barry Cornwall.

статей въ прозѣ, отнимавшихъ у Пушкина все свободное время, ему некогда было заняться самому предполагаемымъ переводомъ съ-Англійскаго. Онъ пригласилъ въ сотрудничество по этому дѣлу извѣстную сочинительницу *Исторіи Россіи въ разказахъ для дѣтей*, Александру Осиповну Ишимову, которой слогъ такъ ему нравился, и которой знаніе Англійскаго языка было ему извѣстно. 25 Января, 1837 года, Пушкинъ писалъ къ ней первое письмо. Это было *въ понедѣльникъ*. На другой день онъ получилъ отвѣтъ дѣвицы Ишимовой, которая, слышавъ отъ знакомыхъ Пушкина, что онъ обыкновенно, по окончаніи утреннихъ трудовъ, часу въ четвертомъ всегда прогуливался, предлагала ему направить прогулку въ ту сторону, гдѣ она живетъ, и изъявила желаніе лично переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. 27 Января, *въ среду* (вечеромъ въ этотъ день начались предсмертныя страданія Пушкина, продолжавшіяся *до пятницы*) въ третьемъ часу пополудни, дѣвица Ишимова получила отъ него пакетъ, собственною рукою его надписанный, въ немъ книгу для перевода и второе письмо, послѣ кото-

Вы найдете въ концѣ книги пьесы, отмѣченныя карандашемъ. Переведите ихъ какъ умѣете—увѣрю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу Исторію въ разсказахъ, и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

раго по всей вѣроятности уже некогда ему было написать ни строки, кромѣ означеннаго адреса на пакетъ къ ней. Тонъ спокойствія, господствующій въ этомъ письмѣ, порядокъ всегдашнихъ занятій, неизмѣнившійся до послѣдней минуты, изумительная точность въ частномъ дѣлѣ, даже почеркъ этого письма, сохраняющій всѣ признаки внутренней тишины, свидѣтельствуютъ ясно, какова была сила души поэта.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ПУШКИНА.

Россія потеряла Пушкина въ ту минуту, когда гений его, созрѣвшій въ опытахъ жизни, размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою — потеря невозвратная и ничѣмъ невознаградимая. Что бы онъ написалъ, если бѣ судьба, такъ незапно не сорвала его со славной, едва начатой ими дороги? Въ бумагахъ, послѣ него оставшихся, найдено много начатаго, весьма мало конченнаго; съ благоговѣйною любовію къ его памяти, мы сохранимъ все, что можно будетъ сохранить изъ сихъ драгоценныхъ остатковъ; и они въ свое время будутъ изданы въ свѣтъ *. Здѣсь

* Вскорѣ за полнымъ изданіемъ сочиненій, уже извѣстныхъ публикѣ и теперь издаваемыхъ въ осьми частяхъ по подпискѣ. Если напечатать все найденное въ рукописяхъ Пушкина, то конечно составитъ два хорошихъ тома, или и *пять*, если присоединить къ литературнымъ отрывкамъ всѣ матеріалы, приготовленные для Исторіи Петра-Великаго. Ж.

сообщаются читателямъ извѣстія о послѣднихъ минутахъ его жизни. Они описаны просто и подробно въ письмѣ къ несчастному отцу его.

Письмо къ С. Л. Пушкину.

15 Февраля 1837.

Я не имѣлъ духу писать къ тебѣ, мой бѣдный Сергѣй Львовичъ. Что могъ я тебѣ сказать, угнетенный нашимъ общимъ несчастіемъ, которое упало на насъ, какъ обвалъ, и всѣхъ раздавило? Нашего Пушкина нѣтъ! Это къ несчастію вѣрно; но все еще кажется невѣроятнымъ. Мысль, что его нѣтъ, еще не можетъ войти въ порядокъ обыкновенныхъ, ясныхъ, ежедневныхъ мыслей; еще по привычкѣ продолжаешь искать его; еще такъ естественно ожидать съ нимъ встрѣчи въ нѣкоторые условные часы; еще посреди нашихъ разговоровъ какъ будто отзывается его голосъ, какъ будто раздастся его живой, ребячески-веселый смѣхъ, и тамъ, гдѣ онъ бывалъ ежедневно, ничто не перемѣнилось, нѣтъ и признаковъ бѣдственной утраты, все въ обыкновенномъ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ; а онъ пропалъ, и навсегда — непостижимо! Въ одну минуту погибла сильная, крѣпкая жизнь, полная гения, свѣтлая надеждами. Не говорю о тебѣ, бѣдный и дряхлый отецъ; не говорю о насъ, горюющихъ его друзьяхъ. Россія лишилась своего любимаго, національнаго поэта. Онъ пропалъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; пропалъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною, силою молодости, тревожной гениемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ Русскихъ съ его смертію не

оторвалось что - то родное отъ сердца? Слава нынѣшняго царствованія утратила въ немъ своего поэта, который принадлежалъ бы ему, какъ Державинъ славу Екатеринину, а Карамзинъ славу Александра.

Первыя минуты ужаснаго горя для тебя прошли; теперь ты можешь меня слушать и плакать. Я опишу тебѣ все, что было въ послѣднія минуты твоего сына, что я видѣлъ самъ, что мнѣ рассказали другіе очевидцы. Въ среду, 27 числа января, въ 10 часовъ вечера пріѣхалъ я къ князю Вяземскому. Мнѣ сказываютъ, что и онъ и княгиня у Пушкиныхъ, а Валуевъ, къ которому я зашелъ, встрѣчаетъ меня словами: получили ли вы записку княгини? За вами давно послали; поѣзжайте къ Пушкину: онъ умираетъ. Оглушенный этимъ извѣстіемъ, я побѣжалъ съ лѣстницы. Пріѣзжаю къ Пушкину. Въ его прихожей, передъ дверями его кабинета, нахожу докторовъ Арендта и Спасскаго; князя Вяземскаго, князя Мещерскаго. На вопросъ: *каковъ онъ?* Арендтъ отвѣчалъ мнѣ: очень плохъ; умереть непременно. Вотъ что рассказали мнѣ о случившемся: въ шесть часовъ послѣ обѣда Пушкинъ привезенъ былъ въ этомъ отчаянномъ положеніи домой подполковникомъ Данзасомъ, его лицейскимъ товарищемъ. Каммердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу. *Грустно тебѣ нести меня?* спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье; раздѣлся, и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: *n'entrez pas; il y a du monde chez moi.* Онъ боялся ее испугать. Жена вошла уже тогда, когда онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый. Послали за докторами. Арендта не нашли; пріѣхали Шольцъ и Задлеръ. Пушкинъ велѣлъ всѣмъ выйти (въ это время у него были Данзасъ и Плетневъ). *Плохо со мною,* сказалъ онъ, подавая руку Шольцу. Его осмотрѣли, и Задлеръ уѣхалъ за нужными инструментами. Оставшись съ Шольцемъ, Пушкинъ спросилъ:

Что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно? — Не могу отъ васъ скрыть, вы въ опасности. — Скажите лучше, умираю. — Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышавъ мнѣніе Арендта и Саломона, за которыми послано. — *Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi*, сказалъ Пушкинъ, замолчалъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: *il faut que j'arrange ma maison*. — Не желаете ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ? спросилъ Шольцъ. — *Прощайте, друзья!* сказалъ Пушкинъ, обративъ глаза на свою библіотеку. Съ кѣмъ онъ прощался въ эту минуту, съ живыми ли друзьями, или съ мертвыми, не знаю. Онъ, немного погодя, спросилъ: *Развѣ вы думаете, что я часу не проживу?* — О нѣтъ! но я полагалъ, что вамъ будетъ приятно увидѣть кого нибудь изъ вашихъ. Господинъ Плетневъ здѣсь. — *Да, но я желалъ бы и Жуковского. Дайте мнѣ воды; пошнитъ.* — Шольцъ тронулъ пульсъ, нашель, что рука была холодна, пульсъ слабъ и скоръ; онъ вышелъ за питье, и послали за мною. Меня въ это время не было дома; и не знаю, какъ это случилось, но комнѣ не приходилъ никто. Между тѣмъ пріѣхали Задлеръ и Саломонъ. Шольцъ оставилъ больного, который добродушно пожалъ ему руку, но не сказалъ ни слова. Скоро потомъ явился Арендтъ. Онъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Начали прикладывать холодныя со льдомъ примочки на животъ и давать прохладительное питье; это произвело желанное дѣйствіе: больной поуспокоился. Передъ отъѣздомъ Арендта, онъ сказалъ ему: *попросите Государя, чтобъ Онъ меня простилъ.* Арендтъ уѣхалъ, поручивъ его Спасскому, домовому его доктору, который во всю ту ночь не отходилъ отъ его постели. *Плохо мнѣ*, сказалъ Пушкинъ, когда подошелъ къ нему Спасскій. Спасскій старался его успокоить; но Пушкинъ махнулъ рукою отрицательно. Съ этой минуты онъ какъ будто пересталъ заботиться о себѣ и всѣ его мысли обратилъ на жену. *Не давайте изъ*

лишнихъ надеждъ женъ, говорилъ онъ Спасскому, не скрывайте отъ нея, въ чемъ дѣло; она не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ. Въ это время уже собрались князь Вяземскій, княгиня, Тургеневъ, графъ Віельгорскій и я. Княгиня была съ женою, которой состояніе было невыразимо; какъ привидѣніе иногда прокрадывалась она въ ту горницу, гдѣ лежалъ ея умирающій мужъ; онъ не могъ ее видѣть (онъ лежалъ на диванѣ лицомъ отъ оконъ и двери); но всякій разъ, когда она входила, или только останавливалась у дверей, онъ чувствовалъ ея присутствіе. *Жена здѣсь?* говорилъ онъ. *Отведите ее.* Онъ боялся допускать ее къ себѣ, ибо не хотѣлъ, чтобъ она могла замѣтить его страданія, кои съ удивительнымъ мужествомъ пересливалъ. *Что дѣлаетъ жена?* спросилъ онъ однажды у Спасскаго. *Она бѣдна и безвинно терпитъ! въ свѣтъ ее заглядѣть.* Вообще съ начала до конца своихъ страданій (кромѣ двухъ или трехъ часовъ первой ночи, въ которые они превзошли всякую мѣру человѣческаго терпѣнія), онъ былъ удивительно твердъ. Я былъ въ тридцати сраженіяхъ, говорилъ докторъ Арендтъ, я видѣлъ много умирающихъ, но мало видѣлъ подобнаго. И особенно замѣчательно то, что въ эти послѣдніе часы жизни, онъ какъ будто сдѣлался иной; буря, которая за нѣсколько часовъ волновала его душу неодолимою страстію, исчезла, не оставивъ на ней и слѣда; ни слова, ниже воспоминанія о случившемся. Но вотъ черта чрезвычайно трогательная. Наканунъ получилъ онъ приглашенный билетъ на погребеніе Гречева сына. Онъ вспомнилъ объ этомъ посреди своего страданія. *Если увидите Греча,* сказалъ онъ Спасскому, *поклонитесь ему и скажите, что я принимаю душевное участіе въ его потерѣ.* У него спросили: желаетъ ли исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно и положено было призвать священника утромъ. Въ полночь докторъ Арендтъ возвратился. То, что отъ него услы-

шаль умирающій, обрадовало, успокоило и укрѣпило его душу. Исполняя желаніе, уже угаданное, въ которомъ выражалась трогательная заботливость о его судьбѣ и за гробомъ, онъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. До пяти часовъ утра въ его положеніи не произошло никакой перемѣны. Но около пяти часовъ боль въ животѣ сдѣлалась нестерпимою и сила ея одолѣла силу души; онъ началъ стонать; послали опять за Арендтомъ. По пріѣздѣ его нашли нужнымъ поставить промывательное; но оно не помогло и только-что усилило страданія, которыя наконецъ дошли до крайней степени и продолжались до семи часовъ утра. Что было бы съ бѣдною женою, если бы она въ теченіе этихъ двухъ вѣковыхъ часовъ, могла слышать его стоны? Я увѣренъ, что ея разсудокъ не вынесъ бы этой душевной пытки. Но вотъ что случилось: она, въ совершенномъ изнуреніи, лежала въ гостиной, у самыхъ дверей, конъ одиѣ отдѣляли ее отъ постели мужа. При первомъ страшномъ крикѣ его, княгиня Вяземская, бывшая въ той же горницѣ, бросилась къ ней, опасаясь, чтобы съ нею чего не сдѣлалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргическій сонъ овладѣлъ ею, и этотъ сонъ, какъ будто нарочно посланный свыше, миновался въ ту самую минуту, когда раздалось послѣднее стenanіе за дверями. Но въ эти минуты жесточайшаго испытанія, по словамъ Спасскаго и Арендта, во всей силѣ оказалась твердость души умирающаго: готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ самъ, чтобы жена не услышала, чтобы ее не испугать. Къ семи часамъ боль утихла. Надобно замѣтить, что во все это время и до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Еще до начала сильной боли онъ подозвалъ къ себѣ Спасскаго, велѣлъ подать какую-то бумагу, его рукою написанную, и заставилъ ее сжечь. Потомъ призвалъ Данзаса и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать ни-

какихъ другихъ распоряженій. Когда поутру кончился его нестерпимыя страданія, онъ сказалъ Спасскому: *Жену! позовите жену!* — Этой прощальной минуты я тебѣ не стану описывать. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждого оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсыпалъ прочь. *Кто здѣсь?* спросилъ онъ у Спасскаго и Данзаса. Назвали меня и Вяземскаго. *Позовите*, сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Я подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую ко мнѣ руку, поцаловалъ ее: сказать ему ничего я не могъ, онъ махнулъ рукою, я отошелъ. Но онъ опять подозвалъ меня: *Скажи Государю, промолвилъ онъ, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я Ему желаю счастья въ Его Сынѣ, счастья въ Его Россіи.* — Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто, но явственно. Потомъ простился онъ съ Вяземскимъ. Въ эту минуту пріѣхалъ графъ Вельгорскій и вошелъ къ нему, и также въ послѣдніе подалъ ему живому руку. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной расчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ Спасскому: *Смерть идетъ.* Когда подошелъ къ нему Тургеневъ, онъ посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: *Карамзину!* Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда Катерина Андреевна отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: *Перекрестите меня*, потомъ поцаловалъ у ней руку. — Между тѣмъ данный ему пріемъ опиума нѣсколько его успокоилъ; къ животу вмѣсто холодныхъ примочекъ начали прикладывать мягчительныя; это было пріятно страждущему; и онъ началъ безпрекословно исполнять предписанія докторовъ, которыя прежде всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ

своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но тутъ онъ сдѣлался послушенъ, какъ ребенокъ; самъ накладывалъ компрессы на животъ и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. Словомъ, ему повидимому стало гораздо лучше. Такъ нашелъ его докторъ Даль, пришедшій къ нему въ два часа. *Худо мнѣ, братъ*, сказалъ Пушкинъ съ улыбкою Далю. Но Даль, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты. — *Нѣтъ!* возразилъ онъ, *мнѣ здѣсь не житье; я умру; да видно такъ и надо*. Въ это время пульсъ его былъ полнѣе и тверже; началъ показываться небольшой общій жаръ. Поставили пивки; пульсъ сталъ ровнѣе, рѣже и гораздо легче. Я ухватился, говоритъ Даль, какъ утопленникъ за соломенку, робкимъ голосомъ провозгласилъ *надежду* и обманулъ-было и себя и другихъ. Пушкинъ, замѣтивъ, что Даль былъ поборрѣе, взялъ его за руку и спросилъ: *Никого тутъ нѣтъ?* — *Никого*. — *Даль, скажи мнѣ правду, скоро-ли я умру?* — «Мы за тебя надѣемся, Пушкинъ, право надѣемся». — *Ну, спасибо!* отвѣчалъ онъ. Но повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде, ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь (на 29-е число, эту ночь всю Даль просидѣлъ у его постели, а я, Вяземскій и Віельгорскій въ ближней горницѣ) онъ продержалъ Дала за руку; часто бралъ по ложечкѣ воды или по крупицкѣ льда въ ротъ, и всегда все дѣлалъ самъ: снималъ стаканъ съ ближней полки, теръ себѣ виски льдомъ, самъ накладывалъ на животъ припарки, самъ ихъ перемѣнялъ и проч. Онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. *Ахъ! какал тоска!* иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, *сердце изнываетъ!* — Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поверотили на бокъ, или поправили ему подушку; и не давъ кончить этаго, останавливалъ обыкновенно словами: «*ну! такъ, такъ — хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно; теперь очень хорошо;*

или *постой* — *не надо* — *потяни меня только за руку* — *ну вотъ и хорошо, и прекрасно!*» — (все это его точныя выраженія). Вообще, говорить Даль, въ обращеніи со мною онъ былъ покладливъ и послушенъ, какъ ребенокъ, и дѣлалъ все, чего я хотѣлъ. Однажды онъ спросилъ у Даля: *Кто у жены моей?* — Даль отвѣчалъ: много добрыхъ людей принимаютъ въ тебѣ участіе; зала и передняя полны съ утра до ночи. — *Ну спасибо*, отвѣчалъ онъ, *однако же поди, скажи жень, что все слава Богу легко; а то ей тамъ, пожалуй, наговорятъ.* — Даль его не обмануль. Съ утра 28 числа, въ которое разнеслась по городу вѣсть, что Пушкинъ умираетъ, его передняя была полна приходящихъ; одни освѣдомлялись о немъ черезъ посланныхъ; другіе — и люди всѣхъ состояній, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство національной, общей скорби выражалось въ этомъ движеніи. Число приходящихъ сдѣлалось наконецъ такъ велико, что дверь прихожей (которая была подлѣ кабинета, гдѣ лежалъ умирающій) безпрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущаго; и мы придумали запереть эту дверь, задвинули ее изъ сѣней залавкомъ и вмѣсто ее отворили другую узенькую прямо съ лѣстницы въ буфетъ; а гостиную, гдѣ находилась жена, отгородили отъ столовой ширмами. Съ этой минуты, буфетъ былъ безпрестанно набитъ народомъ; въ столовую же входили только знакомые. На лицахъ выражалось простодушное участіе; очень многіе плакали. Такое изъясненіе общей скорби меня глубоко трогало; въ Русскихъ, которымъ дорога отечественная слава, оно было неудивительно; но участіе иноземцевъ было для меня усладительною печальностію. Мы теряли свое, мудрено ли, что мы горевали? Но ихъ что такъ трогало? Отвѣчать нетрудно. Геній есть общее добро; въ поклоненіи генію всѣ народы родня; и когда онъ безвременно покидаетъ землю, всѣ провожаютъ его съ одинакою братскою скорбію. Пушкинъ, по своему генію, былъ собственностію не одной

Россіи, но и цѣлой Европы; потому-то и многіе иностранцы приходили къ двери его съ нечаяно *собственною*, и о *нашемъ* Пушкинѣ пожалѣли, какъ будто о *своемъ*. Возвращаясь къ своему описанію. Пославъ Дала ободрить жену надеждою, Пушкинъ самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: *Который часъ?* и на отвѣтъ Дала продолжалъ прерывающимся голосомъ: *Долго ли ... мнѣ ... такъ мучиться? ... Пожалуста ... поскорѣй!* ... Это повторилъ онъ нѣсколько разъ послѣ: *скоро ли конецъ?* ... и всегда прибавлялъ: *пожалуста поскорѣй!* Но вообще (послѣ мучъ первой ночи, продолжавшихся два часа), онъ былъ удивительно терпѣливъ. Когда тоска и боль его одолевали, онъ дѣлалъ движенія руками или отрывисто кричалъ, но такъ, что почти его не могли слышать. Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего, сказалъ ему Дала, но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче. — *Нѣтъ*, онъ отвѣчалъ прерывчиво: *нѣтъ ... не надо ... стонать; ... жена ... услышитъ; ... смѣшно же ... чтобъ этотъ ... вздоръ меня ... пересилилъ, ... не хочу.* — Я покинулъ его въ 5 часовъ утра, и черезъ два часа возвратился. Видѣвъ, что ночь была довольно спокойна, я пошелъ къ себѣ почти съ надеждою, но возвратясь, нашелъ иное. Арендтъ сказалъ мнѣ рѣшительно, что все кончено, и что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и началъ упадать примѣтно; руки начали стыть. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки, чтобы взять льду и потереть имъ лобъ. Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ ^{внятно} *Позовите жену, пускай она меня покормитъ.* Она пришла, опустила на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку, другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: *Ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди.* — Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса

обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто про-
сѣившая отъ радости. Вотъ увидите, сказала она док-
тору Спасскому, онъ будетъ живъ; онъ не умретъ. —
А въ эту минуту уже начался послѣдній процессъ
жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Вѣльгорскимъ у
постели въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль
шепнулъ мнѣ: отходить. Но мысли его были свѣтлы.
Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отумани-
вало; разъ онъ подалъ руку Давю, и пожимая ее,
проговорилъ: *Ну, подымай же меня, пойдѣмъ, да вы-
ше, выше... ну, пойдѣмъ!* Но очнувшись, онъ сказалъ:
*Мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ
по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова
закружилась.* Немного погодя, онъ опять, не раскры-
вая глазъ, сталъ искать Давеву руку и потянувъ ее,
сказалъ: *Ну, пойдѣмъ же, пожалуйста; да смѣсть.* —
Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и при-
поднялъ повыше; и вдругъ, какъ будто проснувшись,
онъ быстро раскрылъ глаза, лице его прояснилось и
онъ сказалъ: *Кончена жизнь!* Даль, не разслушавъ,
отвѣчалъ: да, конечно; мы тебя поворотили. *Жизнь
кончена!* повторилъ онъ внятно и положительно. *Тя-
жело дышитъ, давитъ!* были послѣднія слова его. Я
не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту,
что движеніе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерыв-
чивымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внима-
тельно; ждалъ послѣдняго вздоха; но я его не примѣ-
тилъ. Тишина, его обѣзшая, показалась мнѣ успокое-
ніемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали.
Минуты черезъ двѣ я спросилъ: «что онъ?» — Кон-
чилось! отвѣчалъ мнѣ Даль ¹. Такъ тихо, такъ спо-
койно удалась душа его. Мы долго стояли надъ
нимъ, молча, не шевелясь, не смѣя нарушить таин-
ства смерти, которое совершилось передъ нами во
всей умигательной свѣтынь своей. Когда всѣ ушли,
я сѣлъ передъ нимъ, и долго, одинъ, смотрѣлъ ему
въ лице. Никогда на этомъ лицѣ я не видалъ ничего

1. Въ три четверти третьяго часа по полудни, 29 Января.

подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ то же время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всмотриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И что бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполне достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лице самой смерти, божественно-тайное; лице смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина. — Опишу въ немногихъ словахъ то, что было послѣ. Къ счастью, я вспомнилъ во-время, что надобно съ него снять маску; это было исполнено немедленно; черты его еще не успѣли измѣниться. Конечно, того перваго выраженія, которое дала имъ смерть, въ нихъ не сохранилось; но все мы имѣемъ отпечатокъ привлекательный, изображающій не смерть, а тихій, величественный сонъ. Не буду рассказывать того, что сдѣлалось съ бѣдною женою: при ней находился неотлучно княгиня Вяземская, Е. И. Загряжская, графъ и графиня Строгановы. Графъ

взялъ на себя всѣ распоряженія похоронъ. Побывъ еще нѣсколько времени въ домѣ, я поѣхалъ къ Вильгорскому обѣдать; у него собрался и всѣ другіе, видѣвшіе послѣднюю минуту Пушкина; и онъ самъ былъ приглашенъ за три дня къ этому обѣду... праздновать день моего рожденія. На другой день, мы, друзья, положили Пушкина своими руками въ гробъ; а на слѣдующій день, въ вечеру, перенесли его въ Коношенскую церковь. И въ эти оба дня, та горница, гдѣ онъ лежалъ во гробѣ, была безпрестанно полна народомъ. Конечно болѣе десяти тысячъ человѣкъ перебивало въ ней, чтобы взглянуть на него: многіе плакали; иные долго останавливались и какъ будто хотѣли всмотрѣться въ лице его; было что-то разительное въ его неподвижности, посреди этаго движенія, и что-то умолиительно-тайственное въ той молитвѣ, которая такъ тихо, такъ однообразно слышалась посреди этаго смутнаго говора. Отпѣваніе происходило 1-го Февраля. Многіе изъ нашихъ знатныхъ господъ и многіе изъ иностранныхъ министровъ были въ церкви. Мы на рукахъ отнесли гробъ въ подвалъ, гдѣ надлежало ему остаться до отправления изъ города. 5-го Февраля, въ 10 часовъ вечера, собрался мы въ послѣдній разъ къ тому, что еще для насъ оставалось отъ Пушкина; отпѣли послѣднюю панихиду; ящикъ съ гробомъ поставили на сани; въ полночь сани тронулись; при свѣтѣ мѣсяца, я провожалъ ихъ нѣсколько времени глазами; скоро они поворотили за уголъ дома; и все, что было на землѣ Пушкинѣ, навсегда пропало изъ глазъ моихъ.

В. Жуковский.

За гробомъ слѣдовалъ А. П. Тургеневъ. Пушкинъ не разъ говаривалъ женѣ, что желаетъ быть похороненъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ недавно положили его мать. Этотъ монастырь находится Псковской губерніи въ Опочковскомъ уѣздѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ селца *Михайловскаго*, гдѣ Пушкинъ про-

вель нѣскольکو лѣтъ поэтической жизни своей. 4-го числа, въ девятомъ часу вечера, тѣло привезли во Псковъ, откуда оно, по надлежащемъ распоряженіи со стороны губернскаго начальства, въ ту же ночь на 5-е число Февраля было отправлено черезъ городъ *Островъ* въ Святогорскій монастырь, куда привезли его уже къ 7-ми часамъ вечера. — Мертвый мчался къ своему послѣдному жилищу мимо своего опустѣшаго сельскаго домика, мимо трехъ любимыхъ сосенъ, нмѣ недавно воспѣтыхъ. Тѣло поставили на *Святой горѣ* въ соборной Успенской церкви, и отслужили съ вечера панихиду. Всю ночь рыли могилу подлѣ той, гдѣ поконится его мать. На другой день, на разсвѣтъ, по совершеніи божественной литургии, въ послѣдній разъ отслужили панихиду, и гробъ былъ опущенъ въ могилу, въ присутствіи Тургенева и крестьянъ Пушкина, пришедшихъ изъ сельца Михайловскаго отдать послѣдній долгъ доброму своему помѣщику. Чудно показалось предстоявшимъ изреченіе Библии, сопровождавшее горель земли, брошенной на Пушкина: «*земля еси.*»

КОНЕЦЪ ОСЬМАГО И ПОСЛЕДНЯГО ТОМА.

Дружба моя, какъ, гдѣ же
и увѣститъ родителей Опа?
~~Судя по моему состоянию~~
I наг. тво
Многъ мѣсяцевъ изысканій
чуждыхъ изысканій твоихъ?
Горько! вотъ твои божицы
Ахъ, какъ я живу и страдаю
И мучусь и страдаю и страдаю,
Какъ мучусь, страдаю, страдаю,
Ахъ, какъ я живу и страдаю
Ахъ, какъ я живу и страдаю
И мучусь и страдаю и страдаю
Мне за вѣнчикъ мученья,
Вотъ и кончилась жизнь моя
Дружба моя, какъ, гдѣ же

ОГЛАВЛЕНИЕ ОСЬМАГО ТОМА.

ПОВѢСТИ БЪЛКИНА.

Предисловіе	7
Выстрѣлъ	15
Метель	39
Гробовщикъ	63
Станціонный Смотритель	77
Барышня-крестьянка	98

СМѢСЬ.

Путешествіе въ Арзрумъ	135
Разборъ собранія сочиненій Георгія Конискаго .	208
Вольтеръ	237
Джонъ Теннеръ	250
Письма къ А. О. Ишимовой	308
Послѣднія минуты Пушкина	309

T 39

713570

